1

Державный Карл, наш славный император,

Семь долгих лет в Испании сражался:

И до моря вся горная страна

В его руках; сдалися Карлу замки,

Разбиты башни, грады покорились,

И стены их рассыпались во прах.

Лишь не взял Карл Великий Сарагоссы,

Что на горе стояла: царь Марсилий

Владеет ею; в бога он не верит, —

Он Аполлину служит, Мухамеду, —

Но близок час погибели его.

— Аой!

2

Однажды был Марсилий в Сарагоссе, —

Он в сад пошел, прилег на темный мрамор

В тени; вокруг собрались сарацины,

Их было тысяч больше двадцати;

Своим баронам молвил царь Марсилий:

«Послушайте, друзья, какое горе

Постигло нас: король могучий Карл,

Властитель милой Франции прекрасной,

В наш край родной пришел вас разгромить.

Без войска я — и нет полков могучих,

Чтоб отразить дружины короля!

Я вас прошу, мудрейшие из мавров,

Совет подать мне: как уйти от смерти

И как верней позора избежать?..»

Хранят они глубокое молчанье, —

Один валь-фондский славный кастелян

Молчать не стал, — он звался Бланкандрином.

3

Среди испанских мавров Бланкандрин

Был всех мудрей, был витязем отважным,

Умел помочь советами царю, —

Он так сказал: «Оставьте страх, Марсилий,

Тщеславному и гордому французу

Клянитесь в дружбе, в преданности вечной,

Пошлите сотен десять соколов,

Благополучно перенесших линьку,

Медведей, львов, собак, семьсот верблюдов,

Четыре сотни мулов, нагруженных

И серебром и золотом арабским,

Чтоб славный Карл, французов повелитель,

Возов огромных больше полусотни

Мог нагрузить богатыми дарами:

Заплатит он наемникам своим.

Так долго Карл в Испании сражался, —

К себе домой итти ему пора!

Скажите Карлу: „В Ахен твой престольный

Я за тобой последую и сам,

Когда ж настанет праздник Михаила, —

Тогда крещусь; по правде и по чести

Тебе служить я буду, славный Карл!“

Попросит он заложников, — так что же?

Их десять, двадцать франкам отдадим,

Детей пошлем, — я собственного сына

Отправлю к ним на гибель и мученья!

Пускай они там все обрящут смерть,

Чем ним лишиться власти и почета

И подаянья нищенски просить!

4

Я вам клянусь моей рукою правой

И бородой, покрывшей грудь мою,

Что войско Карла быстро удалится,

К себе домой уйдут тогда французы…

Когда же все их войско разбредется

И в Ахенском соборе мощный Карл

Великий день святого Михаила

Отпразднует, — пройдет крещенья срок;

О нас ни слова франки не услышат.

Ужасен Карл, безжалостен и грозен:

Заложников казнит, не медля, он…

Но пусть они скорей лишатся жизни,

Чем светлый край, Испанию-красу,

Отнимет Карл, французов повелитель,

И бедствий ряд обрушится на нас!»

«Все это так!» — кричат толпы неверных.

5

Марсилий-царь окончил совещанье,

Зовет к себе Кларина, Эвдрупина,

Эстамарина, пэров двух, — за ними

Пришел Магей и с ним его племянник

Вождь Махинер, пришел Мальбьэн заморский,

Пришел Жоймер и старый Бланкандрин.

(Всех было десять самых хитрых мавров.)

Посольства цель Марсилий объясняет:

«Друзья, не медля, к Карлу отправляйтесь:

Он под стенами Кордовы теперь;

Возьмите каждый в руки ветвь оливы,

Как символ мира; если вам удастся

Меня с Великим Карлом примирить, —

В награду я земли дарую ленной,

Поместий вам и всякого добра,

Всего, всего, кто сколько взять захочет!»

И молвят мавры: «Здесь богатств немало!»

6

Окончил царь Марсилий совещанье.

«Сеньоры, — молвил он своим баронам —

Возьмите каждый в руки ветвь оливы,

Просите Карла, богом заклинайте

Меня и мавров ныне пощадить.

Скажите франку: «Ровно через месяц

Наш царь и с ним до тысячи баронов

Придут к тебе в престольный Ахен твой,

Закон Христа они все вместе примут,

Служить тебе по правде и по чести

Марсилий будет, — сколько ты ни спросишь,

Он даст тебе в заложники людей».

«Прекрасным это будет договором!» —

Сказал в ответ коварный Бланкандрин.

7

Велел Марсилий десять белых мулов

К себе, не медля, вывести; в подарок

Их дал ему Сицилии король:

На них уздечки были золотые,

А седла все литого серебра.

На них послы Марсилия воссели,

В руках они держали ветвь оливы…

Приехали. Они обманут Карла.

8

Могучий Карл и радостен, и светел:

Взял Кордову он, стены разгромил,

На землю он поверг твердыни башен…

И знатная добыча людям Карла

Досталась там — набрали без конца

И серебра и золота литого,

Роскошных сбруй, доспехов драгоценных…

Язычников в Кордове не осталось.

Побитых тьма — живые крещены!

Великий Карл сидит в саду роскошном:

Вокруг него Роланд и Оливьер,

И вождь Самсон, и Ансеис надменный,

Жоффрей д’Анжу, знаменоносец Карла,

Жерен, Жерье, Ивон и с ним Иворий,

Одон-силач, гасконец Энжелье,

За ним старик Жерард из Руссильона

И славный вождь могучий Беранжье.

Но, кроме них, там многие другие:

Баронов Карла — всех пятнадцать тысяч.

Сидят на белых шелковых коврах,

Играют в кости; те же, кто постарше

И кто умней, — те в шахматы играют.

Вдали проворных юношей толпы

Увлечены потехой богатырской…

Под сенью ели, где цветет шиповник,

Сидит на троне золота литого

Прекрасной нашей Франции король.

Волной седые кудри ниспадают,

А борода его белее снега.

Прекрасен Карл, горда его осанка:

Узнали сразу франков властелина

Послы испанцев, спешились они,

Любовно все приветствовали Карла.

9

Прошел вперед и молвил Бланкандрин:

«Храни тебя, король, твой бог всесильный,

Тот дивный бог, которому ты служишь!

Велел тебе сказать Марсилий храбрый,

Что расспросил о вашей вере он,

Что ваш закон — один ведет к спасенью!

С тобой разделит царь свои богатства:

Пошлет собак, верблюдов, львов, медведей

И тысячу слинявших соколов,

Четыре сотни мулов, нагруженных

И серебром, и золотом арабским, —

Наполнишь ты богатыми дарами

Возов огромных больше полусотни.

Так много царь пошлет монет чеканных,

Что сразу войску плату ты отдашь…

Великий Карл, ты долго здесь сражался —

Пора тебе домой вернуться, в Ахен!

Марсилий наш пойдет за вами следом,

Чтоб там принять святой закон Христа.

Вот все, что он велел тебе поведать».

И поднял руки к небу Карл Великий,

Поник челом и в думу погрузился.

10

Поник челом могучий император,

Любил наш Карл обдумать свой ответ.

Молчал он долго — поднял взор на мавра,

И грозен был прекрасный лик его.

«Ты нам вещал пленительные речи,

Но царь Марсилий — враг смертельный мой! —

Воскликнул Карл. — Кто будет мне порукой,

Что он не лжет?» — «Заложники, — сказал

Испанский мавр, — мы десять их, пятнадцать

Дадим тебе, мой сын в числе их будет

И многие знатнейшие из мавров.

Когда ж вернешься ты, король могучий,

В престольный Ахен, в царственный Дворец,

Настанет день, — Михайлов день священный —

Приедет царь Марсилий сарагосский,

И в тех водах чудесных, что сам бог

Там сотворил для Карла-властелина,

Святой закон Христа Марсилий примет:

Он в том клялся!» И молвил Карл в ответ:

«Еще пред ним открыта дверь спасенья!»

11

Пылал закат, светило ярко солнце, —

Могучий Карл в конюшни белых мулов

Велел свести, в саду своем зеленом

Он для послов велел разбить шатер,

Двенадцать слуг проворных к ним приставил…

Проспали там до утра золотого

Послы испанцев. Рано встал король

И, выслушав обедню, сел под елью.

Затем велел позвать своих баронов.

(Он не хотел решать без них дела.)

12

Могучий Карл сидит под сенью ели.

Своих баронов он к себе зовет.

Пришел Ожье, Турпин архиепископ,

Старик Ричард, его племянник Генрих

И храбрый вождь гасконский — Аселин,

Пришел Жерен, Жерье, Тибальд из Реймса

И брат его двоюродный — Милон,

И граф Роланд с могучим Оливьером.

До тысячи сошлось баронов Карла, —

Меж ними был изменник Ганелон.

И сели все. Тогда совет был принят,

Принесший франкам столько тяжких бед.

13

«Бароны, — молвил франкам император, —

Марсилий-царь прислал послов своих;

Он золота, богатств сулит нам много —

Пришлет нам львов, собак борзых, медведей

И тысячу слинявших соколов,

Семьсот верблюдов, мулов, нагруженных

И серебром, и золотом арабским.

Больших повозок больше полусотни

Наполним мы богатыми дарами.

Зато уйти, не медля, должен я

Домой к себе; за мною царь Марсилий

Приедет к нам, в мою столицу Ахен,

Чтоб там принять святой закон Христа

И в ленный дар принять свои владенья.

Однако, я в сомнении великом,

Насколько мавру можно доверять».

В ответ бароны: «Будьте осторожны!»

14

Могучий Карл окончил речь свою,

Но граф Роланд ее не одобряет, —

Он с места встал и Карлу возразил:

«Поверить маврам может лишь безумный, —

Семь долгих лет воюешь с ними ты.

Мечом своим я добыл Вальтиэру,

Коммибль и Нобли, крепкий замок Пину,

Севилью, Валагарью и Туделлу.

Всегда Марсилий с нами поступал,

Как истинный предатель, — к нам однажды

Пятнадцать мавров он прислал своих,

В руках они держали ветвь оливы

И те же речи льстивые вещали!

У нас спросил совета Карл Великий,

И согласились мы, безумцы, с ним!

Тогда король послал двух славных графов —

Один звался Базан, другой Базилий…

У гор Алтойских мавр казнил обоих!..

Могучий Карл, громи врагов, как прежде,

Веди войска на стены Сарагоссы,

Всю жизнь свою в осаде проведи, —

Но все ж за смерть Базана, и Базилья

Марсилию ты должен отомстить!»

15

Поник челом великий император,

Рукой он треплет бороду, усы…

Ни слова он Роланду не ответил,

В молчанье все сидят бароны Карла…

Один лишь граф могучий Ганелон

Молчать не стал, — он выпрямился гордо

И Карлу слово смелое сказал:

«Напрасно, Карл, ты слушаешь безумных:

Будь это я иль кто-нибудь другой, —

Тому внимай, кто даст совет полезный!

Когда тебе Марсилий обещает

Рабом твоим покорным стать и в лен

Из рук твоих принять свои владенья,

Когда закон Христа принять он хочет, —

То всякий, кто советует отвергнуть

Его мольбы, — забыл, какая смерть

Постигнет нас! Ты более не должен

Внимать речам, тщеславием внушенным, —

Великий Карл, оставь совет безумных, —

Одним советам мудрости внимай!»

16

Прошел вперед седой Нэмон Баварский,

Он лучшим был из всех баронов Карла:

«Ты слышал, Карл, что молвит Ганелон, —

Он прав, и ты совет его исполни:

В борьбе с тобой Марсилий изнемог, —

Ты разгромил и замки все, и башни,

И города ты в пепел обратил;

Побеждены полки испанских мавров.

Теперь Марсилий просит о пощаде;

Грехом великим будет, если ты

Его мольбы отвергнешь. Сколько хочешь,

Заложников он дать нам обещает;

Пора окончить долгую борьбу!»

В ответ французы: «Прав могучий герцог!»

17

«Скажите мне, бароны, — молвил Карл, —

Кого послать я должен в Сарагоссу?»

«Вручите мне свой посох и перчатку,

Охотно я посланье отвезу!» —

Сказал Нэмон, баварский славный герцог.

И молвил Карл: «Ты мудрый мой советчик, —

Я не пущу тебя в столь дальний путь!

Нет! В том клянусь усами, бородою,

Не ты поедешь к маврам, в Сарагоссу!

Садись и жди, пока тебя спрошу я!»

18

«Кого послать? Скажите мне, сеньоры», —

Спросил король. — «Меня», — сказал Роланд.

«Боюсь, чтоб вы там бед не натворили:

Вы слишком пылки, — молвил Оливьер, —

Пусть лучше я поеду в Сарагоссу!»

«Молчать, бароны! — Карл воскликнул грозно. —

Я бородой клянусь вам и усами:

Никто из пэров к маврам не поедет!»

Так молвил Карл, — и стихло все вокруг.

19

Прошел вперед Турпин архиепископ

И так сказал: «Оставь в покое франков.

Они так много бедствий претерпели, —

Семь долгих лет в Испании ты пробыл!

Отправь меня к Марсилию с посланьем:

Сумею я с испанцем говорить!»

«Молчи, Турпин! — сказал король сердито. —

Садись вон там, на шелковый ковер,

И молча жди, пока тебя спрошу я!»

20

«Французские бароны, — молвил Карл, —

Вы средь моих вассалов изберите,

Кто наш ответ доставит в Сарагоссу».

Роланд в ответ: «Пусть едет Ганелон

(Он вотчим мой) — пригоднее барона

Нельзя найти». И молвили французы:

«Он лучше всех исполнит порученье!»

21

«Возьми, барон, мой посох и перчатку, —

Сказал король могучий Ганелону, —

Ты слышал сам: тебя избрали франки».

И отвечал на это Ганелон:

«Всему виной один лишь твой племянник:

Пока я жив, я буду ненавидеть

Роланда, пэров, любящих Роланда,

И Оливьер, его сердечный друг, —

Отныне враг мне! Всех пред ликом Карла

На смертный бой, не медля, вызываю!»

«Как злобен ты! — воскликнул император, —

Не граф Роланд, а я тебе велю

Везти тотчас Марсилию посланье».

«Что ж? Я готов! — ответил Ганелон, —

Но, как Базан и брат его Базилий,

Уж я сюда от мавров не вернусь!

22

Я еду в путь; домой не возвращался,

Кто послан был к Марсилию… Король,

Не забывай, что я твой зять, что сына

Оставил я в краю родном… красавец

Мой Балдуин, и если сохранит

Его господь, — то витязем могучим,

Отважным будет он… Мои владенья

Отдай ему; лишь ты его защитник…

Увы! Я сына больше не увижу!»

«Уж слишком ты разнежился, барон, —

Воскликнул Карл. — Велю тебе поехать —

И дольше здесь не должен медлить ты!»

23

Граф Ганелон во гневе и печали

Отбросил кунью шубу с плеч своих,

В одной остался шелковой тунике —

Прекрасен был могучий Ганелон:

Широкобедр и статен, — ярким светом

Его глаза лучистые горели,

И весь гроза, величествен и горд,

Стоял он там, и взоров восхищенных

С него свести бароны не могли.

Воскликнул он: «За что, Роланд, безумный,

Пылаешь ты ко мне такою злобой?

Что вотчим я — то всем давно известно!

Назначен я тобой в послы к испанцам,

Но если бог мне даст сюда вернуться —

До самой смерти горе и страданья

Твоим уделом будут!» И воскликнул

Роланд в ответ: «Твои безумны речи!

И знают все: угроз я не страшусь!

Но мудрый франк везти посланье должен,

И если Карл Великий соизволит —

Охотно я посланье отвезу!»

24

«Не сюзерен тебе я, — в Сарагоссу

Не можешь ты поехать за меня! —

Граф Ганелон Роланду отвечает. —

Сам Карл велит — и я свой долг исполню,

Но, чтобы гнев безмерный утолить,

Свершить готов я всякое безумство!»

Роланд в ответ лишь громко рассмеялся.

25

Услышал смех Роланда Ганелон,

В его груди от горя и досады

Так сжалось сердце, что едва-едва

Он устоял: «Тебя я ненавижу! —

Воскликнул он. — Лишь по вине твоей

Неправедно в послы я ныне избран!..

Правдивый Карл, я здесь перед тобою,

И что велишь — исполню в тот же миг!»

26

Могучий Карл вручил ему перчатку,

Но Ганелон далеко быть хотел бы:

Перчатку он на землю уронил.

«О боже! — все воскликнули французы. —

Ужели мы к Марсилию посла

Себе на горе ныне отправляем!»

В ответ посол: «Грядущее покажет.

27

О, государь, дозволь мне тотчас ехать, —

Сказал посол, — я здесь не должен медлить».

А Карл в ответ: «От имени Христа.

От моего — ступай, барон!» Десницей

Могучий Карл его благословил,

Затем вручил послание и посох.

28

Граф Ганелон ушел в свою палатку,

Стал выбирать доспехи боевые:

Надел златые шпоры, у бедра

Привесил меч Мурглейс, на Ташебруна,

На скакуна, вскочил, — стальное стремя

Ему держал могучий Гюйнемер

(Он Ганелону дядей был). И тут же

В слезах стояли многие вассалы:

«Могучий граф, на горе и страданья

Родился ты! — воскликнули они. —

Так много лет при Карле-властелине

Ты состоял придворным, все тебя

За славного вассала почитали…

Того, кто дал совет тебя послать, —

Могучий Карл от смерти не избавит!

Как граф Роланд подумать только смел

Послать такого знатного барона!

Владыко наш! Возьми нас всех с собою!»

И молвил граф: «Избави бог, чтоб я

На смерть повел таких баронов славных.

Нет, лучше я один погибну там!

Вернитесь вы во Францию родную

И мой привет прощальный отвезите

Супруге милой, пэру Пинабелю

И Балдуину — сыну моему.

Ему, друзья, как добрые вассалы,

И верою, и правдой послужите!» —

Так молвил он — и мчится к Сарагоссе.

29

Коня погнал чрез рощу из олив

Граф Ганелон; испанцев нагоняет.

(Их Бланкандрин нарочно задержал.)

Граф Ганелон с послом испанских мавров

С большим искусством стали речь вести:

Мавр Бланкандрин сказал: «Дивлюсь я Карлу:

Апулию, Калабрию он добыл

И чрез громаду волн морских соленых

С дружиной он обрушился на англов

И дань Петру заставил их платить.

За что теперь в наш край войной жестокой

Нагрянул он?» — «Так хочет Карл Великий;

Ему никто противиться не может», —

Так отвечал испанцу Ганелон.

30

Воскликнул мавр: «Народ бесстрашный, франки,

Напрасно только Карлу-властелину

Такие мысли гордые внушают

Бароны ваши; Карла и других

Они погубят!» — «Я таких не знаю, —

Сказал в ответ на это Ганелон, —

Один Роланд надменностью своею

Себе готовит гибель и позор!

Сидел в тени недавно император,

Пред ним в броне предстал его племянник

(Он перед тем разграбил Каркассону),

В руках своих он шар держал пурпурный

И так сказал: „Французов повелитель,

Вот я принес венцы царей земли —

Они твои!“ — Дивлюсь я, как доныне

За дерзость он еще не поплатился!

Ведь каждый день себя он не жалеет;

С его кончиной мир настал бы вечный!»

31

«Жесток Роланд! — воскликнул Бланкандрин. —

Как? Все народы, земли все задумал

Себе забрать он: кто ж его клевреты?»

«Конечно, франки! — молвил Ганелон. —

Они его и чтут, и любят нежно,

Никто из них Роланду не изменит:

Он им дарит сребра и злата груды,

Немало сбруй и шелковых ковров,

Коней и мулов, — вое, что им угодно!

Чего ни спросит Карл — он все исполнит,

Роланд Восток и Запад покорит

Державному французскому владыке!»

32

Граф Ганелон и хитрый Бланкандрин

Так долго вместе ехали, что оба

Друг другу дали клятву — погубить

Могучего Роланда; в Сарагоссу

Приехали и там под кипарисом

Сошли с коней, прошли вперед — и видят:

Под сенью ели трон стоит высокий,

Он весь покрыт парчей александрийской,

На нем сидит испанцев повелитель —

Марсилий-царь, а тысяч двадцать мавров

Стоят вокруг в молчании глубоком:

Все знать хотят, что скажут им послы.

К ним Бланкандрин подходит с Ганелоном.

33

К Марсилию подходит Бланкандрин,

За руку держит графа Ганелона:

«Привет тебе во имя Магомета

И Аполлина, коим служишь ты! —

Воскликнул мавр. — Поведали мы Карлу
Твои слова, но он ответа не дал,
Лишь поднял руки к небу император, —
Воздал хвалу он богу своему.
Теперь к тебе могучего барона
Сюда прислал он; этот скажет нам,
Согласен ли на мир король французов».
«Ну, говори!» — сказал послу Марсилий.

34

Граф Ганелон успел ответ обдумать,
С большим искусством стал он говорить:
«Храни тебя преславный царь небесный,
Кому всегда молиться мы должны!
Мой властелин велел тебе поведать,
Что должен ты принять закон Христа —
Тогда тебе, как ленное владенье,
Он даст земли испанской половину.
Но если ты ослушаться посмеешь —
Тебя в цепях отправят в стольный Ахен
И предадут позорной казни там!»
Смутился царь, услыша речь такую,
Своим копьем в оправе драгоценной
Хотел ударить графа Ганелона,
Но во-время эмиры удержали.

35

В лице тогда Марсилий изменился,
Потряс копьем в оправе драгоценной;
Увидя то, могучий Ганелон
Свой добрый меч извлек наполовину
И так сказал: «Как ты красив и светел,
Мой добрый меч! Пока в руке моей
Сверкаешь ты — не скажет Карл Великий,
Что я один погиб в краю чужом!
Нет, раньше здесь славнейшие из мавров

За смерть мою расплатятся с тобой!»

«Разнимем их!» — кричат толпы неверных.

36

Знатнейшие из мавров упросили

Царя воссесть на трон высокий свой.

И так халиф сказал ему: «Француза

Не убивать, а выслушать ты должен!»

«О, государь! — воскликнул Ганелон. —

Готов снести я тяжкую обиду,

Но если б все испанские богатства

И золото со всех концов вселенной

Ты предложил мне, — я молчать не стану!

И все, что Карл Великий повелел мне

Тебе, врагу смертельному, поведать, —

Я выскажу!» Во гневе Ганелон

Отбросил с плеч могучих кунью шубу,

Покрытую парчей александрийской, —

Ее приял маститый Бланкандрин;

Не захотел с мечом своим расстаться

Граф Ганелон: его рукой он держит

За рукоять из золота литого…

Кричат толпы неверных в восхищеньи:

«Какой прекрасный витязь, полюбуйтесь!»

37

К Марсилию подходит Ганелон.

«Марсилий, царь, твой ярый гнев напрасен:

Могучий Карл, французов повелитель,

Велит тебе принять закон Христа.

Испании получишь половину,

Другою править будет граф Роланд —

И знай: Роланд кичливый соправитель!

Но если ты ослушаться посмеешь, —

Могучий Карл оцепит Сарагоссу,

Велит тебя связать — и в дальний путь

На скакуне ретивом иль на муле

Тебя везти не станут, нет, — позорно
На кляче жалкой в Ахен первостольный
Поедешь ты, — и там имперский суд
Велит тебя предать позорной казни!
Читай письмо!» — и он вручил посланье.

38

В лице тогда Марсилий изменился,
Схватив посланье, он печать сорвал.
И все прочел: «Французов повелитель
Мне о своем напоминает гневе
За то, что я Базана и Базилья
Близ гор Алтойских некогда казнил.
Велит король прислать к себе халифа
(Он дядя мой). Такою лишь ценою
Могу спасти я жизнь и честь свою.
Не то — король меня щадить не будет!»
«О, государь! — воскликнул царский сын. —
За речь свою безумную достоин
Граф Ганелон погибнуть: разреши мне
Надменного француза наказать!»
Граф Ганелон слова его услышал,
Спиною стал к стволу зеленой ели
И добрый меч потряс в руке своей.

39

Марсилий-царь пошел в свой сад зеленый,
За ним пошли знатнейшие из мавров —
И Бланкандрин седой, и Юрфалей,
Марсилия наследник, а за ними
Пришел халиф. И молвил Бланкандрин:
«Марсилий-царь! Вели позвать француза,
Он мне клялся, что будет другом нам».
«Зови его!» — воскликнул царь Марсилий.
И мавр, держа за руку Ганелона,
Привел его, — и все там сообща

Безбожную измену обсуждали.

40

«Любезный граф, — воскликнул царь Марсилий, —

Безумно я, конечно, поступил,

Когда хотел во гневе вас ударить;

Зато теперь вот эту кунью шубу

Я вам дарю; за мех пятьсот червонцев

Я заплатил — и завтра в час вечерний

Я дорогой подарок вам пришлю».

«Охотно, царь, подарок принимаю,

Да наградит за то тебя господь!» —

Так Ганелон Марсилию ответил.

41

Тогда сказал Марсилий сарагосский:

«Поверьте, граф, я очень вас люблю.

Порасспросить о вашем славном Карле

Я вас хочу: уж стар владыка франков.

Его труды и старость одолели,

Ведь, говорят, ему за двести лет!

Так много стран изъездил он, так много

Ударов страшных принял щит его!

Так много Карл властителей могучих,

Лишив владений, в нищих обратил!

Когда же он сражаться перестанет?»

«Нет, не таков французов повелитель! —

В ответ на то воскликнул Ганелон. —

Кто знает Карла, тот наверно скажет:

„Вот истый рыцарь, доблестный барон!“

Нет слов таких, чтоб доблесть, благородство

И милосердье Карла описать!

Никто словами выразить не может,

Каков король, — так щедро бог всесильный

Владыку наших франков одарил!

Скорее здесь согласен я погибнуть,

Чем бросить службу Карла-властелина!»

42

«Дивлюсь я Карлу! — молвил царь Марсилий. —
Он стар и сед — ему за двести лет!
Так много стран обширных он изъездил,
Его так много копий пронизало,
Унизил стольких он царей могучих…
Когда ваш Карл от брани отдохнет?»
«Пока не пал Роланд, его племянник, —
Не будет мира! — молвил Ганелон. —
Нельзя найти нигде под сводом неба
Таких отважных рыцарей могучих,
Как граф Роланд и храбрый Оливьер!
Любимцы Карла, все двенадцать пэров
И двадцать тысяч рыцарей французских
Идут пред войском, — может быть спокоен
Могучий Карл — его не потревожат!»

43

«Да, чуден Карл! — воскликнул сарацин. —
Он стар и сед, и двести лет уж прожил;
Так много стран изъездил он, немало
Его булатных копий пронизало,
Так много он разбил царей могучих…
Когда конец наступит тяжкой брани?»
И так сказал изменник Ганелон:
«Когда Роланда смерть в бою постигнет;
До сей поры ни Запад, ни Восток
Еще такого витязя не видел!
Двенадцать пэров — все любимцы Карла —
И двадцать тысяч рыцарей французских
Идут пред войском нашим, — и никто
Не будет страшен Карлу-властелину».

44

«Любезный друг! Красавец Ганелон! —
Воскликнул царь. — И мой народ прекрасен,

Четыреста могу набрать я тысяч

И в бой вступить с дружиной короля!»

«Теперь не время, — граф ему ответил, —

Своих людей лишь даром ты погубишь.

Нет, не безумно, — мудро поступать

Ты должен, царь: пошли подарки Карлу

И приведи французов в восхищенье,

Заложников пошли ты Карлу двадцать:

Уйдет король во Францию-красу.

Роланд и с ним учтивый, храбрый витязь

Граф Оливьер останутся на страже.

Тот и другой себе обрящут смерть,

Унижена тем будет гордость Карла,

И больше он не вступит с вами в бой!»

45

«Граф Ганелон, скажите мне, прошу вас, —

Воскликнул царь, — как нам убить Роланда?»

«Все это я подробно объясню, —

Так Ганелон Марсилию ответил. —

Достигнет Карл ущелий Цезарийских

И за собой отборную дружину

Оставит там: останется Роланд

И Оливьер, и двадцать тысяч войска.

Пошли сперва сто тысяч сарацин:

Большой урон потерпит войско франков;

Но за твое я также не ручаюсь!

Другую рать веди тогда на бой:

Едва ли, после двух таких сражений,

От гибели спасется граф Роланд;

И твой поход удача увенчает,

И долгий мир в награду ты вкусишь!

46

Да, если там убьете вы Роланда, —

Великий Карл руки лишится правой, —

Рассеются могучие дружины,

Таких уж больше Карлу не набрать!

И Франция великая пребудет

В покое вечном!» Царь испанских мавров

За речь такую обнял Ганелона

И показал ему свою казну.

47

И молвил царь (они договорились):

«Что пользы нам в совете, если мы

Советчику не верим безусловно?

Клянитесь, граф, Роланду изменить!»

Граф Ганелон на это согласился

И на мощах, сокрытых в рукоятке

Его меча, клянется Ганелон.

Так гнусное свершилось преступленье!

48

Стояло там слоновой кости кресло,

Велел Марсилий книгу принести:

В ней был закон написан Мухамеда

И Тервагана. Мавр на ней клянется,

Что если он в полку сторожевом

Роланда встретит, — всю свою дружину

Пошлет на бой, чтоб пал могучий граф.

«Да будет так!» — сказал посланец Карла.

49

Туда пришел язычник Вальдабрин:

Им посвящен был в рыцари Марсилий.

С улыбкою он молвил: «В знак приязни,

Граф Ганелон, возьми мой добрый меч:

Нет лучшего нигде, — за рукоятку

Я тысячу червонцев заплатил, —

Он твой, но так устрой, чтоб мы Роланда

Застали там, в полку сторожевом».

Граф Ганелон ответил: «Все исполню».

И с мавром он целуется в уста.

50

И Климорин пришел туда язычник,

С улыбкой так он молвил Ганелону:

«Возьми мой шлем: нет лучшего на свете.

Но так устрой, чтоб был Роланд унижен».

«Да будет так!» — ответил Ганелон,

И Климорин в уста его целует.

51

Пришла туда царица Брамимонда.

«Мне мил ты, граф, прекрасный Ганелон,

Мой властелин и все его бароны

Тебя и чтут и любят, — от меня

Жене своей свези запястья эти:

Ничто пред ними все богатства Рима

И нет таких у Карла твоего, —

Чистейшее здесь злато, аметисты

И чудные рубины и топазы!»

Граф Ганелон их спрятал в свой сапог.

52

Велел позвать Марсилий казначея.

«Мальдвин, ты всё для Карла приготовил?» —

Спросил он Мавра. — «Как же, государь, —

Ответил тот: — семьсот верблюдов златом

И серебром велел я нагрузить

И юношей послал знатнейших двадцать!»

53

Марсилий взял за плечи Ганелона:

«Ты мудрый франк, ты доблестный барон,

Тебя твоей я верой заклинаю

Не изменять приязни нашей, — много

Тебе я дам богатств, пришлю я мулов,

Арабским чистым златом нагруженных, —

Всех десять будет мулов; ежегодно

Тебе их столько буду посылать!

Возьми ключи обширной Сарагоссы,

Отдай подарки Карлу, так устрой,

Чтоб встретил я Роланда средь ущелий, —

В жестокий бой мы вступим с ним тогда».

«Уж мне пора!» — сказал в ответ на это

Граф Ганелон — и шпоры дал коню.

54

Уж приближался Карл к своим владеньям,

С дружиной в город Гальну прибыл он.

Разрушенный Роландом, этот город

Был на сто лет в пустыню превращен.

Ждет Карл вестей и дани от испанцев.

Граф Ганелон вернулся на заре.

55

Встал на заре король, пошел к обедне,

Затем на луг зеленый вышел он

Перед шатром. К нему сошлись бароны:

Пришел Роланд, учтивый Оливьер,

Пришел Нэмон и многие другие;

Граф Ганелон, изменник и предатель,

С большим коварством начал говорить.

«Храни тебя господь! — он молвил Карлу, —

Тебе ключи привез я Сарагоссы,

Заложников, богатые дары!

Неверных царь тебя смиренно просит

Не гневаться на то, что он халифа

Прислать не мог, — я сам был очевидцем

Того, как триста тысяч сарацин,

Надев стальные шлемы и кольчуги

И взяв мечи в оправе драгоценной,

В далекий путь поплыли по волнам.

Седой халиф поехал с ними вместе:

Никто из них креститься не желал!

Четыре лье проехали уж мавры, —

Вдруг страшный вихрь нагрянул, — все они

Средь волн морских погибли безвозвратно!

Да, если бы халиф остался жив, —

Он был бы здесь!.. Чрез месяц, даже раньше,

Приедет царь принять закон Христа

И, пред тобою стоя на коленях,

Как ленный дар, Испанию получит».

«Хвала творцу! — воскликнул император. —

Доволен я: ты будешь награжден!»

Гремят французов трубы боевые,

Навьючили дружины Карла мулов

И все идут во Францию-красу.

56

Опустошил страну испанских мавров

Могучий Карл: он замки взял и башни

И города неверных разгромил.

И молвил Карл: «Конец войне жестокой!»

Он мчится к милой Франции прекрасной…

На холм Роланд знамена водрузил.

По всей долине франки стали станом.

Меж тем идут оврагами испанцы,

Надели все кольчуги, шлемы, каждый

Свой добрый меч привесил у бедра,

Все мавры держат копья наготове.

В лесу, средь гор, четыре сотни тысяч

Там ждут зари… О горе! Наши франки

Еще того не ведают, не знают!

57

Проходит день, сгустился сумрак ночи,

Могучий Карл почил — и видит сон:

Он у Ворот широких Цезарийских,

В руке копье из ясени он держит,

Вдруг Ганелон схватил копье, тряхнул —

И от него осколки разлетелись…

Все спит король — до утра не проснулся.

58

И сон иной увидел император:

Он в Ахене сидит в своем соборе,

И вдруг — медведь бросается на Карла

И за руку хватает; с гор Арденнских

На Карла мчится страшный леопард,

Но в то же время быстрыми прыжками

И пес борзой спешит на помощь Карлу,

Он у медведя ухо откусил

И с леопардом в бой вступил жестокий.

«Великий бой!» — кричат дружины франков,

Но чья победа — Карл того не знает…

Все спит король… до утра! не проснулся.

59

Проходит ночь, заря зажглась на небе,

Во весь опор несется император.

Вокруг гремит до тысячи рогов,

И молвил Карл: «Ужасен ряд ущелий,

Кого бы нам оставить здесь на страже?»

«Пусть здесь стоит мой пасынок Роланд,

Он всех храбрей!» — сказал в ответ изменник

Граф Ганелон, но Карл взглянул сурово:

«Да ты сам бес! Какой смертельной злобой

Пылаешь ты! — воскликнул он. — А кто же

Передние дружины поведет?»

А тот в ответ: «К тому всего пригодней

Могучий вождь из Дании — Ожье».

60

Услышав то, Роланд, как истый рыцарь,

Стал говорить: «Спасибо, Ганелон,

Поставлен я тобою здесь на страже,

И славный Карл, французов повелитель,

Пока я здесь, ни мулов, ни коней,

Ни скакунов ретивых не лишится:

За каждого из вьючных мулов Карла

Мой меч врагов заставит заплатить!»

Граф Ганелон сказал: «Все это верно!»

61

Роланд, узнав, что полк сторожевой

Ему назначен, в сильном гневе молвил:

«Граф Ганелон, презренный трус, предатель,

Ты ждал, что я перчатку уроню, —

Как ты тогда на землю бросил посох?»

62

Роланд сказал: «Великий император,

Вручи мне лук, что держишь ты в руках:

Не заслужу, надеюсь, в том упрека,

Что я его на землю уронил,

Как Ганелон, когда он брал твой посох».

Поник челом великий император,

Рукой усы и бороду он треплет

И горько вдруг заплакал, зарыдал.

63

Пришел туда седой Нэмон Баварский.

Он лучшим был из всех баронов Карла:

«Сердит Роланд за приговор, — никто

На страже здесь стоять не захотел бы!

Великий Карл, вручи ему свой лук!»

64

Могучий Карл позвал к себе Роланда:

«Оставлю я тебе, племянник милый,

Своих дружин великих половину, —

Они тебя от гибели спасут!»

«Нет, ни за что! — сказал Роланд на это. —

Себя и род свой я не посрамлю!

При мне оставь лишь двадцать тысяч войска,

Иди спокойно; если жив я буду —

Никто тебя, король, не потревожит!»

65

И на коня вскочил тогда Роланд,

Стал Оливьер, его товарищ, рядом,

Примкнули к ним Одон, Жерен, Жерье,

Самсон, Жерард-старик из Руссильона

И Энжелье, могучий вождь гасконский,

И Беранжье. — «Пойду охотно с вами», —

Сказал Турпин. — «Я также не отстану, —

Сказал Готье, — не брошу я Роланда,

Он мой сеньор». Всего баронов Карла

Они избрали ровно двадцать тысяч.

66

Позвал Роланд к себе Готъе де Л’Ом:

«Возьми, барон, до тысячи французов,

Займи ущелья, горные высоты,

Чтоб не понес ущерба славный Карл».

«Все для тебя готов я сделать!» — молвил

В ответ Готье; он занял все высоты

И, что бы с войском франков ни случилось,

Он не сойдет: семьсот баронов Карла

Там обнажат булатные мечи.

Царь Альмарис, бельфернский повелитель,

В жестокий бой вступил тогда с Готье.

67

Высоки горы, мрачен ряд ущелий,

Среди теснин камней чернеют груды…

Весь день уныло шли дружины Карла,

На много лье вокруг был слышен гул.

Когда дошли до Франции великой,

Увидели Гасконь — владенье Карла,

О многом здесь припомнили они:

О почестях, поместиях и ленах,

Об юных девах, женах благородных

Заплакали французы в умиленьи, —

Но больше всех печален император:

Среди теснин, в краю чужом, средь гор

Оставил он племянника, Роланда –

И славный Карл заплакал, зарыдал.

68

У врат испанских все двенадцать пэров

И двадцать тысяч витязей отборных

Стоят на страже, робости не зная,

О гибели не думают они.

А славный Карл уж к Франции прекрасной

В то время шел: наполнены слезами

Его глаза, и бороду седую

Он рвет в печали; рядом на коне

Нэмон гарцует: «Что тебя печалит?» –

Спросил он Карла. – «Празден твой вопрос! –

Ответил Карл. – От горя и досады

Я не могу потоки слез сдержать!

Граф Ганелон людей моих погубит, –

Сегодня ночью ангел мне явился.

И вещий сон явил очам моим:

Мне чудилось, что в щепки разлетелось

В руках моих копье; его разбил

Граф Ганелон: ведь он совет нам подал

Роланда там, в земле чужой, оставить!..

О боже! Если он в бою погибнет, –

Никто его не может заменить!»

69

Рыдает Карл, идут печально франки,

Боятся все, трепещут за Роланда.

Изменник-франк его неверным предал

За золото, за ценные подарки:

Забрал он много шелковых ковров,

Коней ретивых, мулов, львов, верблюдов…

Марсилий-царь зовет свои дружины,

Всех кличет он князей, эмиров, графов,

Детей их, всех вассалов, – в трое суток

Четыреста он тысяч их набрал.

Со всех сторон рокочут барабаны,
И на вершине башни высочайшей
Поставлен идол бога Мухамеда.
И все к нему молитвенно взывают,
Затем идут чрез горы и долины —
И вот пред ними франкские знамена
И пэров стан. Уж близок страшный бой.

70

Несется вскачь Марсилия племянник,
Копейным древком мула погоняет;
И молвил он с улыбкою царю:
«О, государь! Тебе служил я долго,
Терпел немало бедствий и трудов
И доставлял тебе не раз победу!
Как ленный дар, прошу я разрешенья
Убить Роланда; весь наш край родимый
С ущелий Аспры вплоть до Дюрестана
Свободным будет! Карл от битв устанет,
Сдадутся франки, мир настанет вечный!»
Перчатку дал ему Марсилий-царь.

71

Перчатку взял Марсилия племянник
И гордо дяде молвил: «Государь,
Велик твой дар; одиннадцать баронов
Ты избери среди своих дружин:
Ударим мы на славных пэров Карла».
И Фальзарон на зов ответил первым
(Он брат царя): «С тобой, племянник, вместе
Помчимся мы — и горе страже франков:
Так суждено — погибнут все они!»

72

Царь Корсаблис, берберов повелитель,
Коварный мавр, как истинный барон,
Стал речь держать: «За все богатства мира, —

Воскликнул он, — не стал бы трусом я!»
А вот и мавр Мальпримий из Бригаля:
Бежать он мог быстрее скакуна,
И молвил он: «В долину Ронсеваля
Поеду я — и если попадется
Мне там Роланд, то я его убью!»

73

Там был еще эмир из Валагарьи, —
Он строен, горд, и счастием сияет
Надменный лик. Вскочив на скакуна,
Гордится мавр доспехами своими
(О храбрости его гремит молва).
Царю неверных стал он дерзко хвастать:
«Поеду я в долину Ронсеваля,
И если там мне встретится Роланд, —
Погибнет он и друг его прекрасный
Граф Оливьер, и все двенадцать пэров.
Позор и смерть там ждут дружины франков,
От старости ума лишился Карл!
На нас идти он больше не посмеет, —
Владеть страной спокойно будем мы!»
Благодарит язычника Марсилий.

74

Там был эмир могучий мавританский;
Коварней всех испанцев этот мавр.
Царю неверных стал он дерзко хвастать:
«Своих бойцов с собою двадцать тысяч,
Вооруженных копьями, щитами,
Я поведу в долину Ронсеваля,
И если там мне встретится Роланд, —
Я в том клянусь — погибнет он, и будет
По нем всю жизнь рыдать могучий Карл».

75

Там был Тургис, могучий граф тортозский, —
Он истребить мечтает христиан.

Подъехал он к другим испанским пэрам
И так сказал: «Марсилий, будь спокоен,
Наш бог сильней, чем Петр святой из Рима,
Моли его — и он победу даст!
Близ Ронсеваля встречу я Роланда,
Его никто от смерти не спасет:
Смотри — вот меч, великий меч булатный,
Скрещу его я ныне с Дюрандалем,
Увидишь, царь, чье будет торжество!
Да, если франки встретить нас посмеют, —
Их гибель ждет, а старый Карл от срама
Надеть венец свой больше не посмеет!»

76

Среди дружин язычников испанских
Воскликнул граф вальтьерский — Эскремис:
«Собью я спесь французов в Ронсевале,
И если там мне встретится Роланд, —
Погибнет он, и с ним его дружины,
И Оливьер, и все двенадцать пэров.
Отныне будет Франция безлюдной,
Лишится всех своих вассалов Карл!»

77

Марсилий-царь позвал Эстамарина
И Эсторгана — двух безбожных мавров:
«Ступайте вы, сеньоры, в Ронсеваль,
С передовым полком на бой идите,
Чтоб мне помочь вести мои полки».
«Исполним все! — сказали сарацины. —
Мы бросимся все вместе на Роланда,
На Оливьера, пэров и других:
Никто из них от смерти не спасется!
Наш острый меч багряной, свежей кровью
Окрасим мы. Оплачет император
Своих баронов. Мы тебе добудем

И Францию, и Карла самого!»

78

Граф Маргарис к царю примчался быстро:

Севильский вождь, властитель стран приморских,

Он лучшим был из витязей испанских,

Любимец дам, красавец-богатырь;

Его увидев, — каждая смеялась.

И молвил он: «Марсилий сарагосский,

Не бойся франков: я убью Роланда,

И Оливьер от смерти не уйдет!

Себе на горе там остались пэры,

Свой добрый меч, в оправе драгоценной,

Подарок славньй примского эмира,

Окрашу я багряной, свежей кровью, —

Враги погибнут, Францию позор

Покроет вечный. Горе и досада

Постигнут Карла хилого, седого.

Лишь год пройдет — мы Францию захватим,

Служить нам станом будет Сен-Денис!»

В ответ Марсилий низко поклонился.

79

Там был еще Шернублий с «Черных гор» —

До самых пят его спадают кудри,

В его руке огромная дубина:

Четыре мула палицу такую

Не могут сдвинуть, — он играет ею!

Шернублий этот прибыл издалека:

В его стране не блещет солнца луч,

Там нет росы, хлеба расти не могут,

Черны там камни, даже уверяют,

Что там бывают сборища чертей!

«Мой добрый меч при мне! — сказал Шернублий. —

Окрашу я его в багряный цвет!

При Ронсевале встречусь я с Роландом, —

Поверь мне, царь, добуду Дюрандаль!

Враги погибнут, Францию постигнет

Позор и гибель!» — так сказал Шернублий.

Идут на бой все пэры сарацины,

Берут своих язычников сто тысяч, —

И вот в бору они вооружались.

80

Тройные брони мавры надевают,

У всех щиты, мечи из крепкой стали,

А шлемы их — работы сарагосской.

Торчат рядами копья боевые,

И веют мавров пестрые значки,

Окрашенные в темный цвет и в белый,

И в красный цвет. Сошли с дорожных мулов

И на коней вскочили сарацины.

Был ясный день, светило ярко солнце,

Метали сбруи тысячи огней,

И множество рогов вокруг гремело.

Великий гул услышали французы.

«Товарищ мой! — воскликнул Оливьер. —

Сдается мне, что ныне с сарацином

Жестокий бой французам предстоит».

Роланд в ответ: «Ну, что же, слава богу,

За короля должны мы храбро биться:

Обязан каждый витязь за сеньора

Терпеть лишенья, раны, холод, зной,

Жалеть не должен кровь свою и тело!

Товарищи! Сплеча рубите мавров,

Чтоб песнь о нас позорную сложить

Не мог никто. Всевышний не за мавров,

Ведь наше дело правое — святое, —

Худой пример я не подам, друзья!»

81

Граф Оливьер взошел на холм высокий,

Взглянул направо он на луг зеленый

И видит там испанских сарацин.

«Товарищ мой! — Воскликнул он и Роланду. —

Встает гроза из-за испанских гор!

О, сколько белых панцырей, как пламя

Сверкают шлемы, — плохо нам придется,

И это знал коварный Ганелон, —

Он дал совет на страже нас оставить!»

Роланд в ответ: «Замолкни, Оливьер:

Он вотчим мой, не смей его порочить!»

82

На холм крутой взобрался Оливьер,

Увидел он испанские долины

И все войска неверных сарацин:

Сверкают брони, копья со значками,

Блестят щиты, и шлемы золотые,

Одних полков не мог он сосчитать;

Сошел с горы в смущенье и печали

И все подробно франкам рассказал.

83

«Испанских мавров видел я так много,

Как ни один из смертных не видал!

Пред нами их не менее ста тысяч:

У всех щиты, прямые копья, брони,

Надели все стальные шишаки.

Да, будет бой, какого не бывало!

Храни вас бог, товарищи французы!

Не уступайте поля битвы маврам,

Не дайте им победы одержать!»

«Будь проклят тот, кто дрогнет! — молвят франки. —

С тобою все мы ляжем здесь костьми!»

84

И молвил граф: «Испанцев много тысяч, —

Немного нас! Роланд, товарищ милый,

Трубите в рог, — услышит император,

Вернется он, — и с ним все войско наше».

Роланд в ответ: «Безумцем буду я,

Покроюсь я во Франции позором!..

Не в рог трубить, — мечом стальным я должен

Врагов разить, и кровию багряной

Покроется мой добрый Дюрандаль

До золота тяжелой рукоятки!

Пришли себе на горе сарацины:

Ручаюсь вам, погибнуть все должны!»

85

«Трубите в рог, Роланд, товарищ милый, —

Услышит Карл, на помощь к нам, не медля,

Примчится он со всей своей дружиной».

Роланд в ответ: «Избави бог, чтоб я

Всех родичей своих покрыл позором

И Францию родную осрамил!

Мой добрый меч работать славно будет,

В багряный цвет окрасится булат,

Испанским маврам плохо здесь придется:

Погибнут все, я в том клянусь, друзья!»

86

«Роланд, товарищ, в звонкий рог трубите, —

Услышит Карл, проходит он ущелья, —

Ручаюсь вам, вернется войско франков».

Роланд в ответ: «Избави бог, чтоб люди

Могли сказать, что в рог я затрубил

Из-за поганых, — родичей и близких

Не опозорю я таким упреком!

Когда ж настанет час великой битвы, —

Всего ударов тысячу семьсот

Я нанесу неверным, — свежей кровью

Окрасится мой добрый Дюрандаль!

Надежны франки, вместе на испанцев

Ударим мы, — и все они погибнут!»

87

«Не знаю, в чем тут может быть позор? —
Так Оливьер Роланду отвечает. —
Я видел сам испанских сарацин,
Покрыты ими горы и долины:
Им счета нет, а нас уж слишком мало!»
«Я тем сильней рубиться с ними буду! —
Так граф Роланд товарищу ответил. —
Да не допустит бог, ни все святые,
Чтоб Францию покрыл позором я!
Скорее смерть, чем срам! За то и любит
Нас славный Карл, что драться мы умеем!»

88

Мудр Оливьер, а граф Роланд бесстрашен,
Известны оба доблестью своею.
Надели брони, сели на коней,
Их смерти страх от битвы не удержит.
Бесстрашны графы, их надменны речи, —
Язычники испанские на франков
Несутся вскачь. «Смотрите, близко враг
И далеко могучий император, —
Сказал Роланду храбрый Оливьер. —
В свой зычный рог трубить вы отказались,
Здесь был бы Карл, и мы б спаслись от смерти:
Смотрите, там идут у гор, близ Аспры,
Последние унылые ряды
Его дружины! Мы права не имеем
На них пенять! Увы, в последний раз
Мы с вами, граф, на страже здесь стояли!»
Роланд в ответ: «Твои обидны речи,
Позор тому, чье дрогнет сердце, твердо
Здесь станем мы, — жестокие удары
Не нас, а войско мавров поразят!»

89

Когда увидел граф Роланд могучий,
Что близок бой, — он стал надменным, грозным,

Стал гордым он, как лев иль леопард.

«Друг Оливьер, оставь такие речи! —

Сказал Роланд. — Великий император

Оставил с нами двадцать тысяч войска,

Не чаял он, что есть меж ними трус!

Обязан каждый рыцарь за сеньора

Терпеть и зной, и холод, и лишенья;

Жалеть не должен кровь свою и тело!..

Друг Оливьер, рази копьем булатным,

Рубить врагов я буду Дюрандалем,

Его мне дал великий император,

И если здесь меня постигнет смерть, —

Кому мой меч достанется, тот скажет;

«Владел им верный, доблестный вассал!»

90

В Другом конце Турпин архиепископ

Коня пришпорил, въехал на пригорок,

Позвал французов, слово им сказал:

«Бароны, здесь на страже нас оставил

Могучий Карл; должны мы пасть за веру

И короля; всем ясно видно вам,

Что близок бой, — у вас перед глазами

Дружины все испанских сарацин.

Покайтеся в грехах своих — и к богу

С горячею молитвой обратитесь!

Во всех грехах получите прощенье,

И если здесь погибнуть вы должны,

То в рай цветущий все вы попадете,

К святым страдальцам всех причислят вас!»

Сошли с коней французские бароны,

Архиепископ всех благословил

И приказал им, вместо эпитимьи,

Рубить сплеча поганых сарацин.

91

С колен вскочили франкские бароны, —

От всех грехов очищены они.

Благословил их всех архиепископ,

На скакунов своих садятся франки,

Надели все доспехи боевые —

На бой готовы. Молвит граф Роланд:

«Друг Оливьер, вы правду говорили:

Нас всех обрек на гибель Ганелон,

Он взял за то несметные богатства,

И должен Карл жестоко отомстить!

Да, нас купил неверных царь Марсилий,

Но с ним теперь расплатятся мечи!»

92

Чрез горные испанские теснины

Промчался граф Роланд на Вейлантифе,

На скакуне своем. Прекрасен граф,

Ему к лицу доспехи боевые,

В руках он держит острое копье,

Играет им, и к небу голубому

Подъемлет он стальное острие;

К копью значок привешен белоснежный,

И от него до самых рук спадают

Златые ленты. Горд Роланд могучий,

И счастием блистает лик его.

Гарцует рядом друг его прекрасный…

«Ты наш оплот, ты славный наш защитник!» —

Кричат Роланду франкские полки.

Он бросил взгляд суровый на неверных,

С любовью нежной смотрит на французов

И ласковое слово им сказал:

«Товарищи, коней своих сдержите,

Идут себе на гибель сарацины,

Захватим мы великую добычу,

Какой никто из франкских королей

Не добывал доныне». Так он молвил.

На бой дружины начали сходиться.

93

«Не стоит спорить! — молвил Оливьер. —
В свой рог трубить, Роланд, вы не хотели —
Далеко Карл, не знает он, конечно,
Что здесь нам бой сегодня предстоит!
Нельзя винить его и прочих франков…
Вперед, за мной, вперед, мои бароны,
Я богом вас, сеньоры, заклинаю
Не отступать, рубитесь вы сплеча;
Лишь об ударах ныне помышляйте,
Не забывайте клич призывный Карла!»
И грозный клич пронесся по ущельям;
Кто раз слыхал «Монжой и Сен-Денис!»,
Тот знал, что значит доблесть и отвага!
Помчались гордо франки на неверных,
Осталось им одно — рубить врагов,
Но сарацины также не робеют;
Смотрите, вот сошлись на бой дружины!

94

На скакуне гарцует Аэльрот,
Испанский мавр, Марсилия племянник;
Пред строем мавров выехал и дерзко
Он крикнул франкам нашим: «Эй, вы, трусы!
Должны вы здесь сегодня драться с нами,
И тот, кто вам защита и оплот, —
Великий Карл вас предал в руки наши!
Безумьем было вас в горах оставить;
Погибнет слава Франции-красы!
Могучий Карл руки лишится правой!»
Услыша то, к нему примчался быстро,
Пылая злобой, храбрый граф Роланд,
Всей мощью он ударил сарацина
И щит пробил, пронзил броню и грудь,

Спинной хребет рассек он сарацину
И кости все грудные раздробил,
Стальным копьем из тела вышиб душу!
Насквозь копье прошло чрез шею, мавра.
От страшного удара Аэльрот
На скакуне ретивом зашатался
И наземь пал. И к мертвому воскликнул
Могучий граф Роланд: «Презренный, знай:
Наш император славный — не предатель
И не безумец; здесь оставив франков,
Он поступил, как Истинный барон!
Нет, Франции здесь слава не погибнет!
Разите их, вперед, мои французы,
Разите их — удар наш первым был!
За нас господь, — он маврам не поможет!»

95

Там был еще язычник Фальзарон, —
Он брат царя, земли Дафанской герцог
И Абирона мощный повелитель.
Никто ужасней мавра не видал:
Меж глаз его пространство больше локтя!
Увидел он племянника паденье,
Пылая гневом, вышел из толпы
И бросился с призывным криком мавров:
«Здесь честь погибнет Франции-красы!»
Граф Оливьер слова его услышал,
Вонзил коню в бока златые шпоры
И поразил, как истинный барон:
Он щит пробил, рассек все кольца брони,
С копьем значок испанцу в грудь вогнал,
С седла на землю бросил сарацина;
Тот мертвым пал, — и молвил Оливьер:
«Нас не страшат, презренный, ваши речи!
Разите их, друзья, победа наша!»
И крикнул он победный Карла клич.

96

Царь Корсаблис, берберов повелитель,

Сказал тогда дружинам сарацин:

«Не трудно нам сегодня с ними биться;

Так мало их, презрения достойны

Полки французов, Карл помочь бессилен,

Их час настал!» Услышал речь Турпин.

Исполнен гнева, мчится он к испанцу,

Златые шпоры в бок коню вонзив.

Жесток удар: в осколки разлетелся

Испанца щит, насквозь броня пробита…

И в грудь копье всадил врагу Турпин.

И Корсаблис упал с коня сраженный.

Взглянул Турпин — язычник нечестивый

Лежит в пыли: «Ты лжешь, поганый мавр! —

Сказал Турпин. — Великий император —

Защитник наш: не дрогнут наши франки,

Твоих друзей мы всех побьем сегодня,

А ты — двойною смертию умрешь!

Разите их, не медлите, французы,

Хвала творцу — удар наш первым был!» —

Так молвил он и крикнул клич победный —

«Монжой!» — чтоб поле битвы удержать.

97

Жерен копьем Мальпримия ударил, —

Динария не стоит мавра щит:

Хрустальное навершье разлетелось,

Распался щит на несколько кусков.

Жерен прорвал броню одним ударом

И в грудь врагу всадил свое копье.

Тогда с коня на землю мавр испанский

Сраженным пал, — взял душу сатана.

98

Жерье копьем эмира поражает,

Он щит пробил, рассек на мавре броню,

Копье всадил врагу он прямо в сердце:

Жесток удар — насквозь чрез тело мавра

Прошло копье — эмир упал сраженным…

«Вот бой — так бой!» — воскликнул Оливьер.

99

Самсон эмира также порожает,

Он щит пробил с цветами золотыми,

Не защитили мавра также латы:

Прошло копье чрез легкие, чрез сердце…

Не знаю, то достойно слез иль смеха, —

Сраженным пал на землю сарацин.

«Хорош удар!» — сказал архиепископ.

100

Граф Ансеис пришпорил скакуна,

Тургиса он, тортозского владыку,

Ударил в щит под самое навершье:

Распался щит, дубленую броню

Граф Ансеис прорвал на сарацине;

Могучий франк копье направил верно,

Насквозь пронзил врага, тот мертвым пал.

«Удар могуч!» — сказал племянник Карла.

101

Бордосский граф гасконец Энжелье

Помчался быстро к мавру Эскремису

И золотом покрытый щит пробил,

Прорвал броню и в грудь врага ударил, —

И мертвым пал на землю Эскремис,

А граф сказал: «Всех вас постигнет гибель!»

102

Одон-силач ударил Эсторгана,

Щит расписной насквозь пробил Одон,

Прорвал броню своим копьем булатным —

Все тело мавра он насквозь пронзил,

Сраженного врага поверг на землю.

«Да, вас никто от смерти не избавит!» —

Воскликнул зычно славный граф Одон.

103

Вот Беранжье разит Эстамарина:

Он щит пробил и броню растерзал,

Свое копье вонзил он мавру в сердце,

Средь тысячи врагов его убил.

У сарацин уж все погибли пэры, —

Всего в живых осталось только двое:

Граф Маргарис и с ним Шернублий — вождь.

104

Граф Маргарис был витязем могучим:

Красив он, статен, легок и проворен,

Пустил коня на графа Оливьера,

Близ золотом покрытого навершья

Он щит пробил; его копье скользнуло

Вдоль по бедру, — но тела не коснулось.

А Маргарис помчался быстро дальше;

Он в рог трубит — зовет свои полки.

105

Все шире, шире бой распространился,

Роланд себя нимало не жалеет —

Копьем разит испанских сарацин.

Пятнадцать он нанес ударов маврам,

И вот — копье на щепки разлетелось!

Тогда Роланд извлек свой Дюрандаль,

Пустил коня, Шернублия ударил

И шлем рассек, каменьями покрытый,

Стальной шишак рассек и волоса,

Глаза рассек, лицо и грудь, и броню,

Спинной хребет, рассек седло златое, —

В спине коня завяз булатный меч, —

И конь, и мавр на поле битвы пали.

«Презренный мавр! — сказал племянник Карла. —

В недобрый час сюда явился ты!

Твой Магомет тебе помочь бессилен, —

Нет, не таким, как ты, нас победить!»

106

Помчался вскачь Роланд по полю битвы,

В его руке булатный Дюрандаль.

О, если б вы тогда его видали!

Как он рубил неверных сарацин!

Багряным стал булатный меч Роланда,

Покрыты кровью руки, плечи, броня

И добрый конь до самых бедр крутых.

Граф Оливьер и все двенадцать пэров

Не отстают, французы колют, рубят…

Покрыли сплошь великой битвы поле

В предсмертных корчах груды сарацин.

Тогда Турпин воскликнул в восхищенье:

«Эх, хорошо бароны бьются наши!» —

Гремит «Мошкой!» — победный Карла клич.

107

Вот Оливьер по полю битвы мчится:

В его руке осколок от копья;

Помчался граф на мавра Мальзарона

И щит разбил, украшенный цветами;

Глаза и мозг испанца от удара

К его ногам упали на траву.

Граф Оливьер убил семьсот неверных —

И все копье на щепки разлетелось,

«Что вижу я? — воскликнул граф Роланд. —

Друг Оливьер, ты ныне безоружен!

Не так сегодня с нами бьются мавры,

Чтоб их могли дубиной мы прогнать!

Нам сталь нужна! и твердое железо!

Куда девал ты свой булатный меч,

Свой Альтеклер, на нем златые дужки,

Из хрусталя вершины рукоятки?»

— «Мне недосуг извлечь его! — ответил

Граф Оливьер. — Врагов разить я должен!»

108

Граф Оливьер извлек свой меч булатный,

Об нем Роланд недаром вопрошал, —

Граф Оливьер свой меч ему являет:

Юстина он язычника ударил,

Рассек чело и латы расписные,

Рассек коня, — упал на землю всадник

И добрый конь. — «Товарищ Оливьер,

Такой удар оценит император,

Отныне будь ты мне названный брат!» —

Так граф Роланд воскликнул к Оливьеру,

И клич «Монжой!» опять гремит победно.

109

На скакуне Сореле граф Жерен

И граф Жерье на быстром Пассе-Серфе

Помчались вместе к мавру Тимозелю,

Один его ударил прямо в щит,

Другой — в блестящий панцырь; оба разом

Сломали копья в теле сарацина, —

И мавр с коня на луг упал сраженный.

Не знаю я наверное, кто прежде

Его ударил — храбрый ли Жерье,

Иль вождь Жерен, его товарищ, славный…

Вождь Энжелье, бордосский граф могучий,

Своим копьем пронзил Эсперверисса,

Турпин поверг на землю Синьорела,

Что был волхвом и в ад уж раз спускался.

(Ему Юпитер чарами своими

Помог сойти.) — «Вот истый негодяй,

Поганый мавр!» — сказал архиепископ.

«Убит, проклятый! — молвил граф Роланд. —

Брат Оливьер, могуч удар Турпина!»

110

Все жарче бой: жестокие удары
Валят на землю франков, сарацин…
Одни разят, другие отражают
Напор врагов, — и сколько острых копий
Разбито там и кровью обагрилось!
Разорваны знамена и значки.
О, сколько франков юных там погибло:
Им не видать ни жен, ни матерей,
Ни короля, что ждет среди ущелий!

111

Карл тщетно ждет, и плачет, и рыдает…
Что пользы в том? Помочь не в силах он.
Граф Ганелон-предатель им на горе
Отправлен был к Марсилию послом.
За то потом он жизнью поплатился:
Имперский суд, что в Ахене был созван,
Его к позорной казни присудил,
А вместе с ним от смерти не спаслися
И тридцать знатных родичей его!

112

А бой кипит, ужасный бой кровавый:
Роланд и вождь могучий Оливьер
Разят сплеча. Турпин архиепископ
Врагам ударов тысячу нанес.
Не отстают от них двенадцать пэров,
И дружно бьются франкские полки, —
Неверных сотни, тысячи погибли:
Кто не бежит, тот падает на месте…
Но франки также лучшие побиты
И большинство оружья лишены.
Им не видать ни родичей, ни близких,
Ни Карла, — он их тщетно ждет средь гор…
Во Франции чудесные явленья
(Пугают всех: гремит всечасно гром,

Разят ужасно молнии; бушуют

И вихрь, и град крушительный, и ливни,

По всей стране колеблется земля

От Сен-Мишельской и до Кельна,

От Безансона вплоть до Гюитзана,

Во прах жилища падают, — и мрак

Средь полдня свод небесный покрывает…

И все кричат: «Вот судный день настал!»

Но все они не ведают, не знают,

Что это скорбь природы по Роланде!

113

Разят сплеча французские полки.

Побиты сотни, тысячи неверных, —

Из всех ста тысяч двое уцелели.

«Дерутся храбро ныне франки наши! —

Сказал Турпин. — В деяньях славных франков

Написано, что храбрый наш король

Имеет много доблестных вассалов».

По полю битвы франкские бароны

Идут искать товарищей своих;

По родичам своим они рыдают…

Идет на них с дружиною несметной

Неверных царь — Марсилий сарагосский!

114

Долиной мчится грозный царь Марсилий

И с ним его бесчисленная рать:

Десятка два всего полков могучих.

Горят щиты и пышные узоры

Блестящих лат. Семь тысяч труб гремит,

Среди ущелий стон стоит великий.

«Брат Оливьер, нас предал Ганелон, —

Сказал Роланд, — но Карл его накажет!..

Теперь должны мы выдержать жестокий,

Упорный бой, — такого не бывало

До сей поры! Рази мечом своим,

А я работать буду Дюрандалем!

Не раз с тобой носили мы мечи,

Не раз с тобой победу добывали, —

О нас позорной песни не споют!»

115

Увидев рать несметную неверных,

Покрывших сплошь и горы, и долины,

К себе на помощь франки, призывают

Роланда, пэров, графа Оливьера.

Архиепископ слово им сказал:

«Друзья мои, вы мавров не страшитесь,

Я богом вас, сеньоры, заклинаю

Не отступать, не дрогнуть, чтоб певцы

О нас позорной песни не сложили!

Здесь лучше нам погибнуть всем со славой:

Надежды нет, — мы ляжем здесь костьми!

Зато, друзья-товарищи, пред вами

В цветущий рай теперь раскрыта дверь!

Вы завтра все воссядете средь хора

Святых страдальцев!» — так он молвил франкам,

И снова все отвагою пылают,

И вновь гремит победный клич «Монжой!»

116

Среди испанских мавров был язычник

Вождь Климорин; ему принадлежало

Пол-Сарагоссы; был душой коварен

Сей дерзкий мавр; он клятву Ганелона

Приял, и меч ему он подарил,

А вместе с ним карбункул драгоценный;

Он целовал предателя в уста.

«Всю Францию позором я покрою,

У Карла я сорву венец златой!» —

Так молвил он; на резвом Барбамуше,

На скакуне, что ласточки быстрей,

Помчался он на смелого гасконца,

На Энжелье, — ни крепкий щит, ни панцырь

Не вынесли жестокого удара:

Насквозь пронзил гасконца сарацин,

Поверг с коня и так воскликнул грозно:

«Смелей, друзья! Не трудно этих франков

С коней сбивать, прорвемте их ряды!»

С печалью в сердце молвили французы:

«Увы! погиб отважный наш боец!»

117

«Брат Оливьер, лишились мы с тобою

Отважного гасконца Энжелье.

Из всех баронов был он самый храбрый!» —

Так граф Роланд товарищу сказал.

«О, если б бог мне дал отмстить неверным!» —

Сказал в ответ прекрасный Оливьер.

Помчался он, подняв свой меч булатный,

Свой Альтеклер, покрытый алой кровью,

Сплеча ударил мавра Климорина

(Тот мертвым пал, взял душу сатана),

И герцога Афайского убил он,

И Эскабабу голову срубил.

Семьсот арабов он свалил на землю!

Никто из них не вступит снова в бой!

«Мой друг сердит! — сказал Роланд могучий. —

Его удар оценит император,

Немалую мы здесь добудем славу —

Вперед, друзья, разите их сплеча!»

118

Вождь Вальдабрин средь мавров был известен,

Им посвящен был в рыцари Марсилий,

Ему подвластны все морские силы:

Всего четыре сотни кораблей.

Да, это был тот самый мавр поганый,

Что некогда изменою коварной

Взял божий град, святой Ерусалим:

Злодей тогда зарезал патриарха

Пред алтарем и храма Соломона

Попрал святыню; он же в Сарагоссе

Приял присягу графа Ганелона

И добрый меч, и много золотых

В подарок дал. На резвом Граммимонде,

Который мчится сокола быстрей,

Помчался прямо к герцогу Самсону;

Он щит пробил, чешуйчатую броню,

С копьем значок он франку в грудь вогнал,

Поверг врага сраженного на землю

И так сказал: «Здесь смерть постигнет франков,

Вперед, друзья, вперед — победа наша!»

И молвят франки: «Горе, пал наш витязь!»

119

В большой печали храбрый граф Роланд,

Когда Самсона мертвым он увидел.

Коня погнал он прямо к Вальдабрину:

Роланд в руке свой держит драгоценный

Меч Дюрандаль — и мавра поразил:

Он шлем рассек, где золото блестело,

И панцирь весь, и тело, и седло,

Покрытое каменьями и златом,

И скакуна рассек. Не знаю, право,

Похвально то иль нет, — Роланд обоих,

И скакуна, и всадника, свалил.

«Жесток для нас удар!» — сказали мавры.

«Презренные, не будет вам пощады! —

Воскликнул граф. — На вашей стороне

Тщеславие и гордость, а не право!»

120

Там был еще язычник африканский,

Малкуда сын — царевич Мальквидан:

На нем доспех из золота литого
Горит огнем среди дружин испанских.
На скакуне (быстрее нет на свете)
На Ансеиса мчится сарацин —
Ударил в щит, — в осколки разлетелись
Пурпурные и синие поля;
Царь Мальквидан пробил и щит, и броню,
И все копье он в тело погрузил.
Пал Ансеис — и молвили французы:
«Убит, о горе, доблестный боец!»

121

Архиепископ мчится по долине, —
Из пастырей никто еще Турпину
Не мог быть равным верной службой богу
И доблестью на поле боевом.
«Будь проклят, мавр! — он молвил Мальквидану. —
Убил ты ныне друга моего!»
И, налетев, ударил сарацина
В толедский щит, — от страшного удара
На мураву свалился Мальквидан.

122

В другом конце гарцует мавр Грандоний,
Капьэля сын, царевич каппадосский,
На скакуне Мармории ретивом
Быстрее птицы мчится сарацин.
И, налетев, Жерена он ударил:
Одним ударом щит пробил и броню,
До темных лент значка вогнал копье
Жерену в грудь; упал француз на камни,
И были там Грандонием убиты
Еще Жерье, Гюйон и Беранжье,
Сражен Австорий, герцог именитый,
Валенции на Роне властелин.
Ликуют, смерть его увидя, мавры,

И молвят франки: «Много наших пало!»

123

Роланда меч покрыт багряной кровью…

Услышал граф французов стон печальный.

В его груди от горя сердце сжалось,

И молвил он: «Будь проклят, сарацин!

Заплатишь ты за смерть вождя Жерена!»

Грозой летит Роланд на сарацина,

И вот сошлись Грандоний и Роланд.

124

Могуч, бесстрашен, мудр был мавр Грандоний,

Он никогда с Роландом не встречался,

Но по красе, по стройности, по взгляду

Его признал он: страх объемлет мавра.

Бежать… куда? Его Роланд ударил

И до забрала шлем его рассек,

Всю голову рассек, и нос, и зубы,

И золотом расшитый крепкий панцырь,

Из серебра луку рассек, — глубоко

Вошел в коня булатный Дюрандаль.

Упал с коня Грандоний, — застонали

Дружины все испанских сарацин.

«Недурно бьет наш доблестный защитник!» —

Воскликнули французские полки.

125

Все жарче бой, и все сильней удары,

Неистово французы наши бьются:

Разят по спинам, бедрам и рукам,

Рассечены врагов одежды, брони, —

Покрыта яркой кровью мурава.

«Ужасен бой, не выдержим мы дольше! —

Воскликнули дружины сарацин. —

На Францию пошли печаль и горе —

О, Магомет! — храбрей ее сынов

Нет витязей нигде во всей вселенной!..

На помощь к нам, Марсилий-царъ, на помощь!»

126

И бой кипит, великий бой, кровавый…

И копьями из стали вороненой

Разят сплеча французские бароны.

Повсюду стон, ужасные мученья:

Тот навзничь пал, а тот лежит ничком…

И наших войск не выдержав напора,

Бегут в смятеньи диком сарацины:

Погнали их роландовы полки.

127

И видит гибель мавров царь Марсилий —

Велел трубить; со всей своей дружиной

Идет на бой; пред строем, на коне

Абизм, поганый мавр, гарцует; много

Он совершил ужасных злодеяний:

Абизм не верил в сына приснодевы,

Чернее сажи цвет его лица,

Он ценит выше козни и коварство,

Чем золото Галиции богатой.

Никто его улыбки не видал!

Его за храбрость любит царь Марсилий:

Дракон царя, неверных мавров знамя,

Несет Абизм. И злобой воспылал

К нему Турпин, убить он жаждет мавра

И сам с собою начал рассуждать:

«Я никогда терпеть не мог кичливых;

Сдается мне, — вот истый еретик…

Скорее здесь согласен я погибнуть,

Чем пощадить такого негодяя!»

128

И начал бой Турпин архиепископ;

Под ним скакун, отбитый у Гроссаля,

Царя датчан: прекрасен борзый конь —

Тонки бока, стройны и сухи ноги,

И круп широк, высок хребет, хвост белый,

Покрыта шея гривой золотистой

И голова гнедая, уши малы, —

На свете нет пригодней скакуна.

И вскачь погнал его Турпин к Абизму, —

Тот щит держал, на коем ярко блещут

Карбункулы, топазы и хрусталь,

И золото (сей щит эмир Галафрий

От сатаны когда-то получил

Близ Валь-Метаса). Этот щит чудесный

Не пожалел Турпин, копьем ударил, —

Динария не стоит щит, — насквозь

Прошло копье чрез тело сарацина, —

Он мертвым пал. И молвили французы:

«Могуч Турпин! Каков архиепископ!

Сумеет он свой посох защитить!»

129

И другу так сказал Роланд: «Товарищ,

Не правда ли, Турпин боец могучий, —

Никто не может равным быть ему:

Как славно он разит копьем булатным!»

«Ты прав, Роланд, — летим к нему на помощь!»

И вот опять на бой помчались франки,

Посыпались жестокие удары.

Но много пало славных христиан!..

Как яростно работали мечами

Среди врагов Роланд и Оливьер,

Копьем разил Турпин архиепископ!

Всего четыре тысячи неверных,

Убитых ими в сече, насчитали;

Так книги нам и песни говорят!

Четыре первых приступа отбили

Успешно франки; пятый был ужасен:

Погибли все французские бароны,

В живых осталось только шестьдесят.

Не дешево за них заплатят мавры!

130

Роланд увидел тяжкие потери

Своих дружин. «Товарищ Оливьер,

Бесценный друг, смотри, какое горе

Постигло нас, — о, сколько благородных

Здесь полегло могучих удальцов!

Достойна слез судьба отчизны милой:

Каких баронов Франция лишилась!

Могучий друг, великий, славный Карл,

Зачем тебя здесь с нами нет!.. Товарищ,

Брат Оливьер, что делать, как на помощь

Позвать владыку франков?» — «Друг Роланд,

Не знаю, как позвать на помощь Карла, —

Позору смерть я должен предпочесть!»

131

Сказал Роланд: «В свой рог трубить я буду:

Услышит Карл, проходит он ущелья,

Ручаюсь вам, вернется войско франков».

«Навеки вы покроете позором

Себя и род свой! — молвил Оливьер. —

Теперь вас срам постигнет, если Карла,

Гремя в свой рог, к себе начнете звать!

Уж ваши руки кровью обагрились!»

«То кровь врагов!» — ответил граф Роланд.

132

Сказал Роланд: «Ужасен бой кровавый, —

Я затрублю, — услышит император».

«То храброго вассала недостойно! —

Так отвечал Роланду Оливьер. —

Я вас просил, — вы слушать не хотели, —

Здесь был бы Карл, он спас бы нас от смерти,

Нельзя пенять на Карла и на франков!..

Я бородой клянусь вам, если бог

Мне даст опять сестру увидеть Альду, —

На вашу грудь она не упадет!»

133

«Чем рассердил я вас, товарищ милый?» —

Спросил Роланд, а тот ему в ответ:

«Лишь вы, Роланд, несчастия виновник!

Достойней тот, кто Мудр, чем тот, кто бешен!

Безумство ваше всех нас погубило, —

Не будем больше Карлу мы служить!

Роланд, меня вы слушать не хотели, —

Пришел бы Карл, и был бы царь Марсилий

Иль взят, иль мертв, — увы, нам всем на горе

Пылали вы безумною отвагой, —

Теперь мы Карлу больше не нужны!

Да, вы, Роланд, с которым ни единый

Боец еще не мог в бою сравниться,

Умрете здесь. И Францию позор

Постигнет вечный. Ныне дружбе нашей

Пришел конец. И раньше, чем наступит

Вечерний час, — расстаться мы должны».

134

Услышал спор Турпин архиепископ,

Вонзил в коня он шпоры золотые,

Примчался к ним обоих успокоить.

«Граф Оливьер и вы, мой друг Роланд,

Я богом вас, сеньоры, заклинаю

Оставить споры, в рог трубить уж поздно:

Далеко Карл, поспеть не может он;

Но все ж трубите, — славный император

Придет сюда неверным отомстить.

Пусть ни один из мавров сарагосских

К себе домой, ликуя, не вернется:

Приедут франки, — с борзых скакунов

Сойдут они, кровавые останки

Они на поле битвы соберут,

Положат нас на спины вьючных мулов

И с плачем горьким плитами покроют

Останки наши в склепах монастырских,

Чтоб волки нас и псы не растерзали».

«Ты прав, сеньор!» — ответил граф Роланд.

135

К устам своим Роланд свой рог приставил,

Напряг все силы, зычно он трубит:

На тридцать лье чрез горные вершины

Заветный рог раскатами гремел.

Услышал Карл, услышали французы, —

Сказал король: «Дерутся люди наши!»

Ему в ответ изменник Ганелон:

«Когда б другой сказал такое слово,

Его почел бы всякий за лжеца!»

136

С усилием отчаянным и болью

Трубит Роланд — багряной, свежей кровью

Его уста покрыты. На челе

Все крепкие перервалися жилы…

Гремит протяжно зычный Олифант, —

Услышал Карл среди ущелий мрачных,

И вождь Нэмон, и все дружины франков, —

Сказал король: «Роланда рог гремит,

Не станет даром звать меня племянник.

Там бой кипит!» — «Нет битвы никакой! —

Граф Ганелон тогда ответил Карлу. —

Стыдись, король, уж ты и стар, и сед,

А между тем ребенок малолетний,

Что ты сказал, не стал бы говорить!

Не знаешь разве дерзости Роланда?

И как его господь не покарает!

Припомни: он без всякого приказа

Взял город Нобли; жители навстречу

Ему пошли, вступили в бой жестокий —

И всех Роланд могучий изрубил.

Затем Роланд велел обмыть водою

Кровавый луг, чтоб смыть следы сраженья…

Да что! Весь день, гонясь за быстрым зайцем,

Роланд трубит; теперь, наверно, он

Смеется, шутит с пэрами своими…

Никто на бой с Роландом не решится.

Вперед! Здесь время даром мы теряем:

Не близок путь до Франции-красы!»

137

Кровавой пеной рот покрыт Роланда,

И жилы все раскрыты на висках,

С большим трудом, с невыносимой болью

Трубит Роланд, — услышали французы,

Услышал Карл: «Протяжно рог гремит!» —

Воскликнул он. — «Да, рыцарь благородный

В большой беде, дерутся люди наши! —

Сказал Нэмон. — Недаром держит нас

Граф Ганелон, — ведь он Роланда предал!

Пусть загремит победный Карла клич:

Зовите франков, броню надевайте,

Скорей, скорей летите, Карл могучий,

На помощь пэрам вашим; ясно всем,

Что граф Роланд в отчаяньи зовет нас!»

138

Могучий Карл велел трубить, — и франки

Сошли с коней, доспехи надевают:

Надели брони, шлемы и щиты,

А у бедра, украшенные златом,

Привесили булатные мечи.

Их копья крепки: в красный цвет, и в темный,

И в белый цвет окрашены значки.

На боевых коней вскочили франки,

Во весь опор несутся по ущельям.

«О если б нам застать в живых Роланда, —

Так молвил каждый, — страшные удары

Мы б вместе с ним неверным нанесли!»

Напрасно все: они примчатся поздно!

139

Пылал закат, светило ярко солнце, —

Горели шлемы, брони и щиты,

Узорами покрытые. Сверкают

Стальные копья, цветом золотистым

Горят на солнце пестрые значки.

Исполнен гнева, мчится император,

За ним в печали мчится франков строй, —

Рыдают все, трепещут за Роланда…

Бесгона Карл велел позвать, не медля.

(Он старшим был из царских поваров.)

«Возьми под стражу графа Ганелона:

Изменник он, моих людей он предал!

Тебе пока его я поручаю

До дня суда!» — так молвил император.

Бесгон позвал товарищей своих:

Они схватили графа Ганелона

И выщипали бороду, усы…

Избили страшно палками, кнутами.

И на цепь был посажен Ганелон,

Как дикий зверь, цепями весь окручен!

Его на клячу жалкую свалили

И так везли до дня суда над ним.

140

Высок и грозен ряд вершин угрюмых,

На дне долин ручьи струятся быстро.

Гремят французов трубы боевые,

В ответ гремят на зычный Олифант.

Во весь опор несется Карл Великий,

За ним французов сумрачных ряды,

Молитву шепчут грозные бароны,

По лицам их текут ручьями слезы,

Все просят бога, чтоб они с Роландом

Могли разить неверных сарацин.

Напрасно все, — они примчатся поздно!

141

Во весь опор несется Карл Великий.

Поверх брони висит брада седая,

Вокруг него французские дружины

Несутся вскачь, исполнены тоски:

Досадно им, что там, в ущельях мрачных,

Роланд без них с неверными дерется.

Да, если он в жестокой битве ранен,

То все его дружинники погибли!

Увы, всего осталось шестьдесят,

Зато никто, будь он король могучий

Иль славный вождь, в часы жестокой битвы

Таких бойцов отважных не видал!

142

Роланд взглянул на горы и долины, —

Повсюду смерть, везде лежат французы…

И зарыдал могучий граф Роланд:

«О, боже! Ты благий и милосердный,

Открой пред ними в рай цветущий дверь

Друзья мои, могучие вассалы!

Как долго мне служили честно вы!

О, сколько стран мы вместе покорили,

Вскормил вас Карл, увы, себе на горе!..

О, Франция, отчизна дорогая,

Каких баронов здесь лишилась ты!

Товарищи! В несчастии виновный,

Не мог я вас от смерти защитить!..

Пусть вас хранит великий, справедливый

Единый бог… Мой милый друг, товарищ,

Граф Оливьер, с тобой мы неразлучны…

Знай, если я от битвы уцелею, —

Меня погубит горькая тоска…

За мною, друг, ударим на неверных!»

143

Вернулся граф Роланд на поле битвы,

Он бьет сплеча, как доблестный барон:

Рассек Фальдрона; многих знатных мавров

Он там убил. Ужасна месть Роланда:

Как лань бежит пред сворою собак, —

Так сарацин пред ним толпы бежали.

«Недурно, граф, дерешься ты! — воскликнул

Архиепископ. — Всякий, кто зовется

Бароном, кто, надев доспех блестящий,

На скакуне гарцует ретивом,

Обязан так сражаться: кто ж не может —

Тот никуда не годен; пусть в монахи

Поступит он и молится за нас!»

«Вперед, друзья, рубите без пощады!» —

Сказал Роланд. На бой помчались франки,

Но много их в той битве полегло.

144

Как всякий, кто не ждал себе пощады,

Дрались франки храбро, точно львы…

Несется к ним Марсилий сарагосский,

На скакуне Геньоне благородном

Гарцует он, как истинный барон,

И, налетев, дижонского владыку,

Бэвона, царь ударил прямо в щит.

Он щит пробил и панцырь: пал сраженным

Бэвон с коня. А царь испанских мавров

Еще убил Ивория, Ивона

И вместе с ними старого Жерарда…

«Будь проклят, мавр! — воскликнул граф Роланд,

Поблизости стоявший. — Расплатиться

За смерть друзей моих теперь ты должен:

Узнаешь ты, как меч мой величать!» —

Так молвил он и, налетев на мавров,

Он кисть руки Марсилию отсек,

Затем цареву сыну Юрфалею

Он голову отсек мечом булатным…

«На помощь к нам, на помощь, Магомет! —

Кричат толпы язычников испанских. —

О, боги наши! Карлу отомстите!

Каких злодеев здесь оставил он!

Они скорей готовы все погибнуть,

Чем поле битвы маврам уступить!»

«Бежим от них!» — сказали сарацины.

И тыл сто тысяч мавров обратили, —

Они бегут, никто их не вернет!

145

В том пользы нет, что в бегство обратился

Марсилий-царъ: его остался дядя —

Гармалии, Альферны, Карфагена

И всей страны проклятой эфиопов

Державный царь; при нем его полки.

То род людей, что черны, словно деготь,

Их нос огромен, уши безобразны.

Всего числом их тысяч пятьдесят.

На бой они во весь опор помчались,

Призывный клич их зычно прогремел,

И молвил граф Роланд своей дружине:

«Недолго нам, друзья, осталось жить!

Будь проклят тот, кто дешево поганым

Продаст себя! Сплеча рубите мавров:

За нашу Жизнь мы плату с них возьмем!

Избави бог, чтоб Францию родную

Постиг позор! Сюда вернется Карл:

Увидит он великой битвы поле,

Увидит груды павших сарацин,

На каждого из нас пятнадцать мавров

Увидит Карл — и нас благословит!»

146

Когда Роланд увидел род проклятый

Людей, у коих белы только зубы,

А все лицо чернее сажи черной,

Своим друзьям он молвил: «Неизбежно

Погибнем мы!.. Но все ж врагов рубите,

Я снова в бой вступлю, не медля, с ними!»

«Да сгинут трусы!» — молвил Оливьер,

И на врагов ударили французы.

147

Когда полки испанских сарацин

Так мало наших франков увидали,

Воскликнули они в веселье диком:

«За нас господь!» На буром скакуне

Летит халиф — и графа Оливьера

Копьем булатным в спину поразил.

Вошли куски брони кольчатой в рану,

Чрез спину, грудь копье насквозь прошло.

«Жесток удар! — воскликнул мавр испанский. —

В недобрый час на страже вас оставил

Могучий Карл: нам вред он причинил,

Затем теперь похвастаться не может, —

Сразив тебя, я отомстил за все!»

148

Почуял граф, что он смертельно ранен,

Мечом своим из стали вороненой

По шлему он халифа поразил:

И наземь пали камни дорогие…

Жесток удар! — и до рта все лицо

Булатный меч рассек — халиф свалился.

«Будь проклят, мавр! — воскликнул Оливьер. —

Нельзя сказать, что Карлу-властелину

Моя кончина будет нипочем!

Зато и ты жене своей и дамам

В родном краю не будешь похваляться.

Хотя бы Карла нашего потеря

Один динарий стоила, — и то

Не ты, презренный, будешь хвастать этим!

Ко мне, Роланд, ко мне, товарищ милый!»

149

Почуял граф, что он смертельно ранен:

Пылая жаждой мести, в строй неверных

Врубился он и страшные удары

Наносит им по копьям и щитам,

По бедрам бьет их, руки отсекает…

Да, тот, кто мог увидеть Оливьера,

Как он рубил неверных сарацин,

Как их бросал он в кучу друг на друга,

Тот знал, как должен драться славный вождь!

И Карла клич, призывный и победный

«Монжой!» — воскликнул зычно Оливьер.

Затем позвал товарища — Роланда:

«Ко мне, Роланд, уж близок час кончины!

Сегодня здесь расстанусь я с тобой».

150

Взглянул Роланд на друга Оливьера:

Он бледен, пятна синие покрыли

Его чело, ручьем струится кровь…

Сказал Роланд: «О, боже; что мне делать!

Брат Оливьер, увы, себе на горе

Явили вы и доблесть и отвагу!

Товарищ мой, вы были всех храбрей.

О, Франция, отчизна дорогая,

Ужели здесь тебя постигнет срам?

Ужели стольких рыцарей могучих

И ты, и Карл лишитесь?» — так промолвил

И пал без чувств на шею скакуна.

151

И вот пред вами зрелище какое:

Лишился чувств от горя граф Роланд,

А Оливьер в бою смертельно ранен!

Он ослабел, он кровью истекает,

И помутились очи у него.

Он никого не узнает: Роланда

Ударил он по шлему золотому

И до забрала шлем его рассек,

Но не задел лица его по счастью.

И кротко граф Роланд к нему промолвил:

«Намеренно ль меня вы поразили?

Ведь я Роланд, ваш друг, товарищ верный,

Меня на бой вы разве вызывали?»

«Не вижу я тебя, мой друг Роланд, —

Так Оливьер товарищу ответил, —

Но милый голос твой я узнаю!

Прости меня!» — «Да я совсем не ранен, —

Сказал Роланд. — Пусть вас простит господь!»

Тогда они склонились друг ко другу,

Расстались в нежной дружбе и любви.

152

Объял смертельный холод Оливьера, —

Не слышит он, не видит ничего:

Уж помутились очи, — все кружится…

Он лег на луг, — с горячею молитвой

Скрестил он руки белые свои:

Во всех грехах он просит отпущенья.

Смиренно просит господа Христа,

Чтоб рая дверь раскрыл пред ним всевышний.

За родину, за Францию, за Карла

И за Роланда — друга дорогого —

Его уста молитву к богу шепчут:

Он ослабел, во весь свой рост простерся,

Не бьется сердце, — смерть его постигла…

Охваченный печалью безграничной,

Над ним рыдает друг его Роланд.

153

Взглянул Роланд: убит его товарищ —

Лежит ничком. И тихо причитать

Стал граф Роланд над трупом бездыханным:

«Товарищ мой! Ты погубил себя

Отвагою и доблестью своею…

Так много лет мы жили в дружбе нежной;

Теперь ты мертв — и жизнь мне не мила!»

Лишился чувств Роланд — боец могучий,

Но не упал: златые стремена

Ему свалиться не дали на землю.

154

Пришел в себя Роланд от забытья,

Увидел он весь ужас пораженья:

Погибли все французские бароны.

Всего в живых осталось только двое:

Турпин и витязь доблестный Готье.

Сошел с горы Готье; в жестокой битве

Лишился он товарищей своих

И громко он зовет к себе Роланда:

«Ко мне, Роланд, о, где ты, храбрый витязь?

С тобою, граф, ни робости, ни страху

Не ведал я! Ужели ты не слышишь?

То я, Готье, убивший Маэлгуда,

Твой друг Готье, племянник я Дроона,

Вождя Дроона, старого, седого!

Достоин я, по доблести моей,

Тебе, Роланд, быть другом; весь изранен,

К тебе пришел я: сломано копье,

Броня разбита, щит мой весь изрублен,

Все тело копья острые пронзили…

Ко мне, Роланд, ко мне, я умираю,

Но дорого я продал жизнь свою!»

Услышал граф, спешит к нему на помощь.

155

Исполненный и гнева и печали,

В толпу врагов врубился граф Роланд;

Неверных двадцать он убил на месте,

Готье де Л’Ом зарезал шестерых,

И пятерых убил архиепископ.

И в ужасе кричат толпы испанцев:

«Проклятые злодеи перед нами!

Друзья, смелей, не дайте им спастись!

Позор тому, кто с ними в бой не вступит

И кто им даст уйти из наших рук!»

И вновь гремят проклятия и крики, —

Со всех сторон испанцы наступают.

156

Бойцом могучим был племянник Карла,

Готье де Л’Ом — отважный, славный витязь,

Турпин — в бою испытанный храбрец.

Никто из них товарища не бросит,

В толпу врагов они врубились вместе…

Там было мавров конных сорок тысяч

И десять сотен пеших. Достоверно

Известно мне: никто из них на франков

Не смел идти, лишь тучу пик и копий,

И дротиков, и стрел они метали.

На землю первым пал Готье де Л’Ом

Турпина щит пробит, и шлем изломан,

И в голову опасно ранен он.

Его кольчатый панцырь весь изорван,

И в грудь четыре дротика вонзились,

Его скакун под ним убит. О горе,

Упал на землю доблестный Турпин!

157

Когда Турпин почуял, что на землю
Повергнут он, что дротика четыре
В него вонзились, — вновь вассал отважный
Вскочил проворно, бросился к Роланду
И так сказал: «Нет, я не побежден.
Пока хоть искра жизни в нем таится,
Не должен сдаться доблестный вассал!»
И вынул он Альмас, свой меч булатный.
В толпе врагов до тысячи ударов
Нанес Турпин. Сам Карл потом сказал,
Что не щадил врагов архиепископ:
Четыреста неверных сарацин
Нашел король близ храброго Турпина,
Иссеченных, исколотых; и многим
Архиепископ голову срубил.
Рассказы так правдивые вещают,
И было так на поле боевом.
Барон Эгидий, коему так много
Явил чудес господь, рассказ об этом
В монастыре Лаонском написал.
А кто сего не знает, — тот невежда!

158

Как доблестно дерется граф Роланд!
В огне все тело, пот течет ручьями,
И в голове боль страшная: так сильно
Он в рог трубил, что жилы на висках
Раскрыты все! Но все ж узнать он хочет:
Придет ли Карл — и вновь Роланд трубит.
Увы! Чуть слышно рог звучит заветный!
Но все ж его услышал император,
Коня сдержал он. «Сеньоры, — молвил Карл, —
Неладно там! Роланда мы лишимся!
По звуку рога чувствую, что скоро
Умрет Роланд, — и если кто желает

Поспеть к нему, пусть шпорит скакуна!

Во все рога и трубы загремите».

И загремело тысяч шестьдесят

Французских труб: казалось всем, что с ними

Трубят холмы, а мрачные долины

Гремят в ответ. И мавры услыхали,

Безделицей им то не показалось:

«Король! — кричат они. — Король вернулся!»

159

Кричат они: «Вернулся император!

Рогов французских слышен звон вдали,

Нагрянет Карл, и плохо нам придется!

Но если мы Роланда не убьем,

То снова вся война начнется эта, —

Лишимся мы Испании-красы!»

И вот сошлись четыреста отборных,

Отважнейших бойцов, все в крепких шлемах…

И в страшный бой с Роландом сарацины

Вступили вновь, — нелегкая работа

Еще мечу Роланда предстоит!

160

Когда Роланд увидел их, то гордым

И грозным стал: он силы вновь почуял, —

Пока он жив, не сдастся он врагам.

Коню в бока вонзил златые шпоры,

Врубился он в толпу испанских мавров,

И с ним Турпин. «Друзья, скорей бежимте! —

Кричат испанцы. — Слышали вы звон

Рогов французских, мощный Карл вернулся!»

Не мог терпеть Роланд презренных трусов

И не любил он также гордецов,

И злых, и всех, не верных ленной чести.

«Сеньор! — сказал Турпину он. — Вы пеши,

Я на коне, но ради вас мне должно

Здесь обождать, — и радости, и горе

Должны делить мы, — я не брошу вас,

И с вами вместе тотчас же неверным

Мы отомстим за страшный приступ их:

Славнее нет ударов Дюрандаля!»

Сказал Турпин: «Позор тому, кто в битве

Врагов рубить не может! Карл придет

И отомстит язычникам испанским».

162

«Увы, увы! — на горе и страданья

Родились мы! — сказали сарацины. —

Ужасный день: мы пэров и сеньоров

Лишились здесь, — и славный Карл вернулся!

При нем его великая дружина.

Трубят рога французов: все покрыл

Гремящий крик „Монжой!“ Отвагой в битве

Никто Роланду равным быть не может,

Не победит его никто из смертных, —

Метнем в него и дротики, и копья —

На месте он останется наверно!»

И вот — летят и дротики, и копья,

И тучи стрел. Разбит весь щит Роланда,

Разорвана железная кольчуга, —

Граф невредим, но тридцать стрел и копий

Его коня ретивого пронзили,

Конь наземь пал; бегут толпы неверных,

И граф Роланд один на поле битвы,

Он пешим стал, — погиб его скакун.

163

К Испании стремятся сарацины,

Исполнены и гнева, и тоски.

Не может граф Роланд за ними гнаться:

Погиб его ретивый Вейлантиф.

И вот Роланд спешит помочь Турпину:

Он снял с него блестящий легкий панцырь

И золотом покрытый крепкий шлем,

Мечом разрезал платье на Турпине

И раны все ему перевязал.

Затем, прижав к груди, на луг зеленый

Он бережно Турпина положил

И с нежностью сказал ему: «Прекрасный

И знатный вождь! Прошу я разрешенья

Пойти искать друзей погибших трупы;

Снесу я всех сюда на луг зеленый,

У ваших ног их рядом положу!»

В ответ Турпин: «Ступайте, путь свободен.

Хвала творцу! За нами поле битвы!»

164

Идет один по полю граф Роланд,

Он обыскал и горы, и долины,

Нашел друзей — Ивория, Ивона,

Товарищей — Жерена и Жерье,

И Энжелье-гасконца, и Одона,

Из Руссильона старого Жерарда,

И герцога Самсона, Ансеиса,

И Беранжье. Их всех поочередно

Роланд у ног Турпина положил.

Не мог сдержать Турпин архиепископ

Потоки слез: друзей благословил

И молвил так. «На горе и страданья

Родились вы! О, боже всемогущий,

Прими их души в рай цветущий свой!

И мне, увы, недолго ждать кончины,

Уж никогда мне Карла не видать!»

165

Роланд идет один по полю битвы,

Он Оливьера-друга там нашел,

Прижал к груди, принес его к Турпину

И бережно его на щит блестящий

Близ прочих пэров славных положил.

Их всех Турпин тогда благословляет;

И злая скорбь проникла в грудь Роланда,

Воскликнул он: «Прекрасный Оливьер,

Товарищ мой, ривьерского маркграфа

Реньера сын! Чтоб копья и щиты

Ломать в бою, чтоб дать совет полезный,

Чтоб гордецов смирять, — нигде на свете

Нет витязя достойнее тебя!»

166

Взглянул Роланд на трупы славных пэров,

На Оливьера, друга дорогого,

От жалости он горько зарыдал,

И бледностью чело его покрылась, —

Лишившись чувств, Роланд упал на землю.

«Могучий вождь, на горе и страданья

Родился ты!» — сказал архиепископ.

167

В большой печали был Турпин из Реймса,

Когда Роланда замертво упавшим

Он увидал. Он руку простирает,

Берет вблизи лежавший Олифант;

Ручей течет в долине Ронсеваля,

Набрать воды к нему Турпин спешит,

Чтоб оживить Роланда; с тяжкой болью

Идет Турпин, шатаясь… крови алой

Так много он в сраженье потерял!

Прошел Турпин пространство небольшое,

Упал на грудь от слабости и боли, —

Он на лугу лежит в предсмертных муках.

168

От забытья пришел в себя Роланд,

С большим трудом он на ноги поднялся,

Окинул взором горы и долины

И видит там, поодаль от других, —

На мураве лежит архиепископ,

Турпин из Реймса, рыцарь благородный,

Служитель бога; просит он прощенья

В своих грехах и поднял очи к небу,

И руки в знак смирения скрестил…

Погиб Турпин за Карла-властелина,

Мечом своим и проповедью славной

Служил всю жизнь он против сарацин.

Пошли, господь, его душе спасенье!

169

Увидел граф Роланд Турпина мертвым;

Из тела вышли внутренности, мозг

Покрыл чело; крестом сложил он руки

Прекрасные и белые свои.

И, как велит родной страны обычай,

Роланд над мертвым начал причитать:

«Увы, погиб ты, рыцарь благородный,

Тебя пусть царь небесный примет в рай

Никто ему так доблестно и верно,

Как ты, барон, доныне не служил!

Со времени апостолов великих

Нигде, Турпин, пророка не видали,

Кто так, как ты, умел хранить закон

И обращать людей на путь спасенья.

Пусть бог пошлет душе твоей блаженство,

И рая дверь раскроется пред ней!»

170

И чувствует Роланд, что час кончины

Уж недалек: сочится из ушей

И кровь, и мозг. Всевышнего владыку

За пэров славных молит граф Роланд.

А за себя к святому Гавриилу

С молитвой он смиренной обратился.

И взял Роланд свой рог и меч заветный

(Чтоб упрекнуть его никто не мог).

Идет Роланд, — насколько пролетает

Из самострела брошенный свинец, —

Пришел Роланд к земле испанских мавров,

Взошел на холм; два дерева прекрасных

Стояло там, близ них четыре глыбы

Из мрамора блестящего стояли.

Упал ничком Роланд на мураву,

Лежит Роланд, — уж близок час кончины.

171

Высоки горы, выше их деревья.

Четыре глыбы мрамора блестят.

На мураве лежит племянник Карла…

За ним давно следит испанский мавр,

Лежит средь трупов, мертвым притворился,

Замазав кровью тело и лицо.

Отважен, знатен был испанский витязь,

Он вдруг вскочил и, бросившись к Роланду,

Гордясь победой, в сильном гневе молвил:

«Ты побежден, племянник Карла, меч твой

Я отнесу в Аравию родную!»

Он отнял меч, — и смутно граф Роланд

Почувствовал, что меч его схватили.

172

Почуял граф, что он меча лишился,

Открыл глаза: «Ты, кажется, не франк!» —

Воскликнул он и, сжав свой рог заветный,

Ударил им по шлему золотому.

Он шлем разбил и кости, наземь пали

Глаза испанца, мертвым он свалился.

«Презренный мавр! — воскликнул граф. — Как смел ты

Меня схватить? Услыша то, наверно,

Тебя почел бы всякий за безумца!

Разбит мой меч по самой середине,

На землю пали золото, хрусталь!»

173

Роланда очи мрак покрыл, с усильем
Он встал, — покрыты бледностью черты.
Пред ним стоит гранитный темный камень.
Во гневе граф ударил десять раз
Мечом своим, и сталь звенит о камень,
Но не разбит клинок, не зазубрился.
«О, помоги, Мария приснодева! —
Воскликнул граф. — Увы, мой Дюрандаль,
Мой добрый меч, ты больше мне не нужен,
Мне жаль тебя! В таких боях жестоких
С тобой врагов так часто побеждал я,
Так много царств с тобой завоевал!
Теперь владеет ими император,
Могучий Карл, седобородый вождь!
Не должен ты достаться в руки трусам,
Тобой владел столь доблестный вассал:
Нельзя найти во Франции свободной
Славней меня, отважнее бойца!»

174

Роланд сплеча ударил серый камень
Мечом своим, — и снова сталь звенит,
И не разбит клинок, не зазубрился.
Увидел граф, что все усилья тщетны,
Что не разбить булатного меча, —
Стал причитать, рыдая, граф могучий:
«Увы, мой меч, как ты красив и светел,
Как блещешь ты при солнечных лучах!
Был славный Карл в долине Мариэнской,
Когда ему предстал господень ангел
И повелел храбрейшему вождю
Тебя отдать. Тогда король могучий
Тебя мне дал, — за то ему я добыл
Свободную Нормандию, Бретань,

Анжу и Мэнь, Прованс и аквитанцев

Всю землю, добыл Фландрию и Польшу,

Румынию, Ломбардию и с ними

Баварию, — и сам Константинополь

Признал владыкой Карла; покорилась

И саксов вся обширная земля,

Шотландию, Ирландию я добыл,

Валлиса землю, англов всю страну,

Что ныне Карла собственность, и много

Обширных стран, — владеет ими мощный

Король наш Карл, седобородый вождь.

Да жалко мне с мечом моим расстаться:

Пусть лучше здесь меня постигнет гибель,

Чем Дюрандаль достанется врагам!

О, боже, нашу Францию родную

От этого позора защити!»

175

Роланд ударил меч о твердый камень,

Летят куски гранита на траву,

И сталь звенит, но меч не зазубрился

И не разбит, — от камня отскочил он.

И видит граф Роланд, что не под силу

Ему разбить булатный меч, и тихо

Оплакивать он стал свой Дюрандаль:

«Как ты красив, как свят, мой меч булатный,

В твоей златой тяжелой рукояти

Хранятся мощи: зуб Петра из Рима,

Василия святого кровь и там же

Владыки Сен-Дениса волоса,

В тебе кусок от ризы приснодевы:

Не должен ты язычникам достаться.

Христов слуга тобой владеть лишь должен!

Тобою столько стран я покорил.

Владея ими, славен император,

Могучий Карл, седобородый вождь!

О, если б ты, мой добрый меч булатный,

Презренным трусам в руки не достался!»

176

Почуял граф, что близок час кончины:

Чело и грудь объял смертельный холод…

Бежит Роланд, — и вот, под сенью ели

На мураву зеленую он пал.

Лежит ничком, к груди своей руками

Прижал он меч и зычный Олифант,

Он лег лицом к стране испанских мавров,

Чтоб Карл сказал своей дружине славной,

Что граф Роланд погиб, но победил.

В своих грехах он просит отпущенья,

И к небу он перчатку протянул.

177

Почуял граф, что дольше жить не будет,

Он на холме лежит лицом к испанцам,

И бьет он в грудь слабеющей рукой:

«О, боже! Дай в грехах моих прощенье,

Во всех грехах, и малых, и великих,

Что я со дня рожденья совершил!»

И к небу он простер свою перчатку,

И ангелы слетаются к нему.

178

Лежит Роланд лицом к земле испанской,

Лежит под сенью ели. Вспомнил он

О многом вдруг: о землях, им добытых,

О родине, о Франции-красе,

И вспомнил он о Карле-властелине,

Своем кормильце, — слезы удержать

Не мог Роланд, — подумал о спасеньи

И просит все грехи свои простить:

«Отец небесный, боже милосердный,

От смерти спасший Лазаря святого,

Из пасти львов исторгший Даниила,

Душе моей лишь ты один защитник, —

Спаси меня, прости мои грехи!»

И к небу он простер свою перчатку,

Ее принял архангел Гавриил.

Поник челом Роланд — боец могучий,

Скрестил он руки, смерти час настал.

Послал к нему всевышний херувимов,

И Рафаил слетел к нему на землю,

И Михаил заступник, вместе с ними

Слетел и сам архангел Гавриил…

И вот — с душой Роланда херувимы

Помчались прямо в чудный, светлый рай…

179

Погиб Роланд, его душа на небе.

Могучий Карл вернулся в Ронсеваль.

Покрыты сплошь луга, долины, горы

Телами павших франков, сарацин.

«О, где ты, друг Роланд, племянник милый? —

Воскликнул Карл. — Где доблестный Турпин,

Где Оливьер, Жерен, Жерье, Иворий,

Ивон — мои любимцы, где Одон,

Где Ансеис, Самсон и престарелый

Жерард и ты, гасконец Энжелье?!

О, где вы, где, оставленные мною

На страже здесь, двенадцать славных пэров?»

Увы, никто ему не отвечал!

«О, боже, — молвил Карл, — зачем не мог я

Сей бой начать!» — и в горести жестокой

Могучий Карл рвет бороду седую,

И с ним рыдают все его бароны:

Их двадцать тысяч замертво упало

От горести; старик Нэмон Баварский,

Увидев то, в смущенье онемел.

180

Рыдают все, и герцоги, и графы,
Над трупами своих сеньоров ленных,
Детей и братьев, близких и друзей…
И многие от горя и печали
На землю пали. Лишь Нэмон Баварский
Остался тверд и мужествен: «Король! —
Воскликнул он. — Вон там вдали, смотрите,
Клубится пыль: то рать испанских мавров.
Вперед, за все должны вы отомстить!»
«О, горе, как они уже далеко! —
Воскликнул Карл. — О, боже милосердный,
Верни мне честь, верни мое мне право!
Творец! Сегодня Франции прекрасной,
Отчизны нашей милой цвет погиб!
Вы, Жебуин, Одон, Тибальд из Реймса
И граф Милон — вы поле стерегите,
Чтоб павших звери хищные и львы
Не растерзали. Также не давайте
И челяди ограбить их… Смотрите,
Чтоб к трупам здесь никто не прикасался,
Пока мне бог не даст сюда вернуться!»
С любовью так ответили бароны:
«Исполним все, великий, справедливый
Владыко наш!» И тысяча французов
Осталась с ними трупы сторожить.

181

Велит король греметь в рога и трубы,
Со всей дружиной вслед за войском мавров
Несется Карл. У всех одно желанье —
Настичь врагов; и видит славный Карл,
Что скоро ночь. Тогда на луг зеленый
Сошел с коня великий император,
Простершись ниц; движенье солнца просит
Остановить и день продлить… Тогда

Он ангела знакомый голос слышит:

«Воспрянь, король! Продлится свет денной,

То ведомо творцу, что ты сегодня

Лишился цвета Франции прекрасной,

За все теперь ты можешь отомстить!»

Воспрянул Карл и вновь в погоню мчится.

182

Великое по просьбе Карла чудо

Явил господь: стояло неподвижно

На небе солнце. Полчища испанцев,

У Валь-Генебра франки настигают,

Разят неверных, гонят к Сарагоссе

И все пути отрезали врагам.

И вот пред ними Эбро, — в этом месте

Раса течет со страшной быстротой.

Ни кораблей, ни лодок не нашли там

Толпы неверных, — прямо в волны Эбро

Вскочили мавры, тщетно призывая

Себе на помощь бога Тервагана.

Одних тотчас же ко дну потянули

Тяжелые доспехи, а других

Река крутила быстро по теченью;

Счастливей прочих были те, что только

Лишь напились не в меру, — наконец,

Погибли все ужасной смертью мавры.

«В недобрый час вы встретились с Роландом!» —

Кричат неверным франкские полки.

183

Увидел гибель мавров Карл Великий:

Побиты все иль в Эбро утонули,

Досталась франкам знатная добыча…

Сошел с коня и, на лугу простершись,

Благодарит творца король могучий.

Когда ж он встал, то солнце уж зашло.

И молвил Карл: «Мы здесь привал устроим,

Уж поздно нам вернуться в Ронсеваль:

Устали кони, их вы разнуздайте,

Пустите всех пастись на этот луг».

«Ты прав, король», — ответили французы.

184

Расположился на ночь Карл Великий,

Сошли с коней в той местности пустынной

Его дружины. Сняв уздечки, седла,

Они коней пустили там пастись

На луг, травою свежею покрытый.

О скакунах оставя все заботы,

Усталые французские бароны

Там на земле лежали. В эту ночь

Никто не правил стражи, все заснули.

185

На мураве лежит могучий Карл:

Он в головах свое копье поставил

И лат, блестящих золотом, не снял.

На нем блестит и шлем его, а дивный

Булатный меч привешен у бедра;

Звался тот меч Жойез, — и в день единый

Его цвета менялись тридцать раз.

Известно всем, что волею господней

Могучий Карл достал конец копья,

Которым наш господь, наш искупитель,

Был на кресте врагами прободен.

То острие великий император

Велел сокрыть в тяжелой рукояти

Булатного меча. С тех самых пор

И Карла меч в честь этого был назван

Жойез — то знают все бароны наши;

Их крик «Монжой!» в честь этого меча

Грозой гремит всегда на поле битвы,

И ни один народ не устоит.

186

Луна блестит, и ночь светла. В печали

Лежит король, — он вспомнил о Роланде,

Об Оливьере, пэрах, прочих франках,

Они в крови лежат среди теснин!

И зарыдал великий император,

Он бога просит души их спасти…

Устал король, трудов великих много

Он перенес в тот день, — и Карл заснул.

С ним рядом там лежат его дружины,

Устали кони: ни один из них

Не мог стоять, травой кормились лежа…

Да, кто немало бедствий претерпел,

Тот многому научится, конечно!

187

Измучен Карл, он спит тревожным сном.

Послал к нему всевышний Гавриила,

Чтоб охранять его. У изголовья

Всю ночь стоял господень светлый ангел,

И страшный бой, что Карлу предстоял,

Явил ему в пророческом виденье:

Взглянул на небо Карл и видит громы,

Огонь и град, и молния, и бури…

И разом все обрушилось на франков:

Яблоновых и ясеневых копий

Все острия и древка запылали,

Зажглися брони, шлемы и щиты,

Их сталь гремит, и стонет войско Карла…

Стремятся к франкам змеи, леопарды,

Медведи, гидры, чудища, по виду

Уродливей исчадий ада, с ними

Ужасных грифов ровно тридцать тысяч…

И франки все кричат: «Король, на помощь!»

В печали Карл стремится к ним, но вдруг

Свирепый лев навстречу Карлу мчится,

Он в бешенстве бросается, и с ним

Схватился Карл, и бой кипит жестокий…

Кто победит — не ведает король.

Все спит король, до утра не проснулся.

188

И сон другой увидел император:

Он в Ахене своем, за цепь он держит

Медведя там. Вдруг из лесу к нему,

Со стороны Арденн, больших медведей

Приходит тридцать, все они, как люди,

Ему сказали: «Карл, за что ты держишь

Его в плену? Он родич наш, и все мы

За ним пришли!» Из залы к Карлу мчится

И пес борзой и с самым крупным зверем

Вступает в бой, схватились на лугу…

Кто победит — неведомо владыке…

Таков был сон, что Карлу божий ангел

Явил тогда. До утра спал король.

189

Примчался царь Марсилий в Сарагоссу,

Сошел с коня под сению оливы;

Он слугам отдал шлем, броню и меч

И в корчах пал: лишился он десницы,

И кровь течет ручьями на траву,

А близ него царица Брамимонда

Рыдает, стонет. Двадцать тысяч мавров

И Францию, и Карла проклинают…

В пещере там стоял их Аполлин, —

К нему бегут с проклятьями испанцы:

«Проклятый бог, нас всех ты опозорил,

Ты дал в обиду нашего царя!

За нашу службу верную в награду

Ты что нам дал!?» И скипетр, и порфиру

Там сорвали с него, топтали, били

И за руки привесили к столбу.

Его кумир на щепы весь распался…

Затем схватили бога Тервагана

И сорвали с него карбункул яркий.

В глубокий ров был брошен Мухамед,

Его топтали свиньи и собаки!..

190

Очнулся царь. В палаты расписные

Велел себя тотчас перенести.

Его жена, царица Брамимонда,

Рыдает, плачет, кудри рвет свои:

«О, Сарагосса, ныне ты лишилась

Марсилия, владыки своего!

Покинули предатели нас боги,

И будет трус эмир наш, если в бой

Не вступит он с дружиной дерзких франков,

Которых смерть нимало не страшит!

Наверное, без боя не отступит

Их славный Карл, седобородый вождь!

Его, увы, никто убить не может!»

191

Могуч был Карл: семь долгих лет он пробыл

В земле испанской, грады взял и замки.

Уж в первый год войны Марсилий-царь

Послал письмо к эмиру Балигану,

Тому эмиру старому, седому,

Что был древней Виргилия, Гомера

(Он царствовал в Египте, в Вавилоне).

Эмира царь просил прийти на помощь,

Не то грозил Марсилий-царь отречься

От всех богов, принять закон Христа

И покориться Карлу-властелину.

Не мог эмир тотчас прийти на помощь —

Не близок путь. Со всех своих владений

(До сорока их было) Балиган

Собрал войска; он тьму галер и лодок

И кораблей собрал в Александрии

И вот весной пустился в дальний путь.

192

Огромны силы диких африканцев,

И по волнам плывут их корабли,

С вершины мачт карбункулы сверкают,

И фонари, и светочи горят.

Все море свет великий озаряет,

И ночью вид прекрасен волн морских.

Вот Балиган в Испанию приехал:

Как солнцем, все вокруг озарено;

Испанский царь о том узнал тотчас же.

193

Эмира войско дальше в путь стремится,

Вошло в реку, оставя в стороне

Марбриз, Марброз, — плывет по волнам Эбро

Неверных рать. Карбункулы сверкают,

Всю ночь сиял великий, чудный свет…

И вот — эмир у крепкой Сарагоссы.

194

Был ясный день, светило ярко солнце.

Эмир сошел на берег. Близ него

Эспанелис, за ним еще семнадцать

Других царей, а герцогам и графам

И счета нет! Под лавром, средь долины

На мураве — ковер александрийский,

На нем был трон слоновой кости чудной:

Сам Балиган, язычник нечестивый,

Воссел на нем. Вокруг него стояли

Его дружины. Молвил Балиган:

«Послушайте, свободные бароны

И рыцари, что я хочу сказать:

Державный Карл, французов повелитель,

Без разрешенья нашего отныне

Ни пить, ни есть уж больше не посмеет!

Жестоко он громил испанских мавров,

Но я теперь во Францию пойду,

Всю жизнь готов я биться: Карл погибнет

Иль о пощаде будет нас молить!»

Эмир перчаткой хлопнул по колену.

195

Эмир решил — и нет таких сокровищ,

Из-за которых он бы отказался

От своего решенья. В землю франков

До Ахена, где Карл свой правит суд,

Идти он хочет. Все его дружины

Согласны с ним. И двух своих баронов

Зовет эмир: «Кларин и Кларифан,

Царь Мальтрайен, отец ваш, быть в посольстве

Всегда любил. Не медля отправляйтесь

К Марсилию: ему вы возвестите,

Что прибыл я, и если войско Карла

Мне встретится, то грянет страшный бой!

Перчатку златом шитую и посох

Царю отдайте; если он приедет

Меня почтить, то я войной жестокой

Во Францию прекрасную пойду.

И если Карл отречься не захочет

От христианской веры и, во прахе

Простершись ниц, меня молить не будет,

Сорву с него венец я золотой!»

«Вот это так!» — кричат толпы неверных.

196

«Скорее в путь! — воскликнул вождь поганых. —

Один с перчаткой, с посохом другой!»

«Исполним все!» — ответили посланцы.

И вот они примчались в Сарагоссу,

Проехали врата, мосты, весь город

С предместьями, где жили горожане,

Услышали у замка стон и плач.

Рыдали все толпы испанских мавров,

Своих богов поганых проклинали

Всех: Тервагана-бога, Магомета,

И Аполлина: в них, ведь, проку нет!

«Что делать нам, несчастным! Горе, горе,

Позор! Наш царь погибнет жалкой смертью:

Ему Роланд десницу отрубил!

И Юрфалей, царевич светлокудрый,

Погиб в бою, и весь наш край родимый

Добычей станет Карла!» Ко дворцу

Подъехали посланцы Балигана.

197

Сошли с коней под сению оливы

Послы эмира. Два испанских мавра

Их скакунов держали под уздцы.

И вот послы идут в чертоги вместе,

Идут, держа друг друга за плащи,

На самый верх по лестнице взобрались

До комнаты со сводами — и там

Приветствие сердечное сказали

Марсилию: «Храни тебя могучий

Владыко наш, великий Мухамед!

Да сохранит тебя с твоей царицей

И Терваган, наш бог, и Аполлин!»

«Вещали вы бессмысленные речи! —

Послам в ответ сказала Брамимонда. —

Все боги наши — трусы: в Ронсевале

Они вчера нас предали врагам,

Погибли все испанские бароны,

Богами был покинут царь наш в битве,

И кисть руки отсек ему Роланд,

Могучий граф, племянник славный Карла.

О, горе! Карл Испанию захватит!

Что делать мне, несчастной, одинокой?

Ужель меня убить не согласится

Никто из здесь стоящих сарацин!»

198

«Оставьте речи праздные, царица! —

Сказал Кларин. — Свой посох и перчатку

Прислал сюда язычник Балиган,

Он наш эмир и скоро вам поможет.

Река покрыта нашими судами:

Всего галер там тысячи четыре,

А кораблей и лодок быстроходных

Не перечесть! Могуч эмир, и с Карлом

Во Францию пойдет он воевать,

Пока король пощады не попросит,

Иль не падет!» — «Все кончится бедой! —

В ответ на то сказала Брамимонда. —

Чтоб франков рать найти, не так далеко

Придется вам ходить, — в земле испанской

Семь долгих лет сражаются они!

Их славный Карл могуч, отважен, грозен,

Он предпочтет позору смерть в бою.

Лишь дети все цари в сравненьи с Карлом,

Он никого на свете не страшится!»

199

«Оставьте споры! — молвил царь Марсилий. —

Сеньоры, вы со мною говорить

Должны теперь: я в горести ужасной, —

Мой Юрфалей, единственный наследник,

Погиб в бою. Пусть ваш эмир могучий

Придет ко мне, ему мои владенья

Я отдаю, они ему по праву

Принадлежат. От Карла защитить

Он должен нас. Быть может, против Карла

Я дам ему полезные советы —

И вскоре он французов победит.

Ключи моей обширной Сарагоссы

Эмиру вы, не медля, передайте

И мой совет ему: остаться здесь!»

Послы в ответ: «Вы правы, царь Марсилий!»

200

И молвил царь: «Французов повелитель

Разграбил всю Испанию мою,

Избил мои могучие дружины

И города мои опустошил.

Теперь с дружиной он стоит близ Эбро,

Всего семь лье отсюда к их стоянке

(Я сам считал). Пусть ваш эмир придет

И пусть ведет на бой свои дружины».

Вручил ключи Марсилий, и посланцы,

Простившись с ним, в обратный мчатся путь.

201

Приехали в испуге к Балигану

Его послы; от них ключи он принял

И так спросил: «Что видели вы там!?

А где же царь?» — «В бою смертельно ранен, —

В ответ на то сказал ему Кларин. —

Вчера прошел ущелья Карл Великий,

Хотел к себе во Францию вернуться

И за собой, среди ущелий мрачных,

Почетную оставил стражу он.

Там был Роланд, его племянник славный,

И Оливьер, и все двенадцать пэров,

И двадцать тысяч рыцарей отборных.

Испанский царь, как истый храбрый витязь,

Напал на них, он встретился с Роландом,

И тот ему булатным Дюрандалем

Десницы кисть в сраженье отрубил,

Затем Роланд зарезал Юрфалея

(Марсилия он был любимый сын).

Всю истребил Роланд дружину мавров,

И в бегство был Марсилий обращен,

Жестоко гнал его король французов!..

Зовет тебя испанский царь на помощь,

Он власть свою и землю рад отдать».

В раздумье впал тогда эмир-язычник;

Так велика печаль его, что он

Едва-едва рассудка не лишился!

202

«О, властелин! — сказал Кларин эмиру. —

Был бой вчера в долине Ронсеваля:

Погибли там Роланд и Оливьер,

Любимцы Карла, там погибли пэры

И двадцать тысяч войска короля.

Зато в бою руки своей лишился

Испанский царь, и все побиты мавры:

Одни в бою легли костьми, другие

Во время бегства в Эбро потонули…

На берегу, поблизости от нас,

Французов стан, и, если ты захочешь

То вряд ли ныне франкские дружины

Уйдут от нас все целы, невредимы!»

Возликовал, услыша речь такую,

Неверных вождь: глаза сверкнули грозно.

Он встал: «Скорей на берег выходите! —

Воскликнул он. — Садитесь на коней,

И если старый Карл не обратится

Сейчас же в бегство, — царь испанских мавров

Жестоко ныне будет отомщен:

За кисть руки, которой он лишился,

Ему я Карла голову пришлю!»

203

На берег вышло войско Балигана,

Вскочили все на резвых скакунов

И мчатся быстро, их эмир торопит;

И так он молвил другу своему:

«Друг Жемальфин, веди мои дружины».

И на коня вскочил затем эмир,

И, взяв четыре рыцаря с собою,

К Марсилию примчался в Сарагоссу,

И там эмир у мраморных ступеней

Сошел с коня: ему четыре графа

Держали стремя. Он наверх взошел.

К нему бежит царица Брамимонда:

«О, горе мне! Погибнет жалкой смертью

Мой властелин, Марсилий сарагосский!»

И бросилась она к ногам эмира;

Он встать помог ей. В горести, в печали

Они пошли в покой, где царь лежал.

204

Марсилий-царь увидел Балигана,

Позвал к себе двух графов мавританских

И молвил им: «Меня приподымите

Скорей, друзья! — и левою рукою

Эмиру он перчатку протянул. —

Мои все земли, ленные владенья

Тебе, эмир, теперь принадлежат! —

Воскликнул царь. — Себя я опозорил

И свой народ навеки погубил!»

«Мне жаль тебя! — сказал эмир-язычник. —

Но здесь нельзя мне дольше оставаться, —

Ведь Карл уйдет, меня он ждать не станет!

Перчатку я охотно принимаю…» —

Так молвил он — и горько зарыдал.

205

Сошел эмир по лестнице проворно,

Сев на коня, летит к своим дружинам.

Примчался он и зычно к ним воскликнул:

«За мной, мои язычники, на франков,

Не дайте им уйти из наших рук!»

Встал на заре могучий император,

И посланный от бога Гавриил

Благословил его. Свои доспехи

Оставил Карл, и все его бароны

Доспехи сняли. Быстро мчатся франки,

Летят они к ущельям Ронсеваля,

Чтоб поле страшной битвы осмотреть.

206

Приехал Карл в долину Ронсеваля,

Над трупами он горько зарыдал:

«Сеньоры, — молвил он своим баронам, —

Своих коней сдержите, я один

Пойду искать Роланда по долине.

На празднике торжественном когда-то

В первопрестольном Ахене моем

Мои бойцы младые похвалялись

Отвагою своей в боях жестоких, —

Роланд сказал, что если он погибнет

Когда-нибудь в краю чужом, далеком, —

Всех впереди найдут его останки,

Лицом к врагам он будет там лежать,

Чтоб знали все, что граф Роланд могучий,

Как победитель, пал на поле чести».

Так далеко, как можно бросить жезл,

Вперед проехал франков повелитель,

И на высокий холм взобрался он.

207

Роланда ищет славный император,

О, сколько там увидел он цветов,

Окрашенных багряной кровью франков!

Он зарыдал. И на холме высоком

Увидел он два дерева. Под ними

На скалах Карл нашел следы ударов

Роландова булатного меча.

На мураве лежал его племянник.

То диво ли, что горесть охватила

Всю душу Карла? Он сошел с коня,

Племянника приподнял он и страстно

Прижал к груди. Над трупом бездыханным

Лишился чувств от горя славный Карл.

208

Очнулся Карл: Нэмон, баварский герцог,

Жоффрей д’Анжу и брат его Тьерри,

И Ацелин к стволу зеленой ели

Владыку франков тихо прислонили.

Взглянул король — и видит: на земле

Лежит Роланд; тогда владыка франков

Над мертвым тихо начал причитать:

«Пусть бог простит тебе, племянник милый,

Твои грехи! Никто с тобой сравниться

Не мог в искусстве рать вести на бой:

Померкли ныне честь моя и слава!»

И замертво упал могучий Карл.

209

Пришел в себя великий император,

И под руки его четыре графа

Держали там. Взглянул на землю Карл

И видит труп племянника Роланда…

Нет ран на нем, но бледен лик прекрасный,

И помутились очи; их окутал

Глубокий мрак. Тогда с любовью нежной

Стал причитать над ним могучий Карл:

«О, друг Роланд, да примет в рай цветущий

Тебя господь! Пусть там душа твоя

Среди святых ликует! Ты на горе

Пришел со мной в страну испанских мавров.

Всегда, везде в ужасном горе буду

Теперь рыдать, племянник, по тебе!

Увы, лишусь могущества и счастья:

Кто честь мою отныне защитит?

Теперь я всех друзей своих лишился,

Ни родичи мои, никто на свете

Тебя, Роланд, не может заменить!»

И кудри рвет обеими руками

Могучий Карл. Вокруг бароны наши

Там плачут все и стонут, и рыдают.

210

«О, мой Роланд, вернусь я в край родимый,

В Лаоне суд свой править буду я,

Из многих царств приедут чужестранцы

И спросят: „Где твой доблестный племянник,

Могучий вождь ?“ — А мне сказать придется:

„В Испании он кончил жизнь свою!“

С большим трудом я царством править буду

И каждый день, Роланд, племянник милый,

Рыдать и плакать стану по тебе!»

211

«Роланд, Роланд, о, юноша прекрасный,

Могучий витязь, друг сердечный мой!

Когда вернусь я в Ахен первостольный,

Придут ко мне из разных стран пришельцы

И о тебе расспрашивать начнут;

Придется мне нерадостные вести

Поведать им: „Погиб Роланд могучий,

Что столько царств мечом завоевал!..“

И против нас тогда восстанут саксы,

Болгаре, венгры, римляне, пулийцы,

И жители Сицилии, и много

Других племен: восстанут африканцы

И Калиферны жители. Всечасно

Мои труды все будут возрастать!

Кто поведет на бой мои дружины!?

Тот вождь погиб, что их водил к победе,

Навеки ты теперь осиротела,

О, родина, о, Франция-краса!

И так сильны печаль моя и горе,

Что только смерти жажду я теперь!»

И рвет браду великий император,

Он кудри рвет обеими руками,

От горя там сто тысяч наших франков

На землю пали замертво пред ним.

212

«Прекрасный друг, ты пал на поле битвы,

Да примет в рай тебя всесильный бог!

Убийца твой навек покрыл позором

Отчизну нашу, Францию-красу!

Меня гнетет Жестокая кручина!,

Увы, теперь лишь смерти жажду я!

О, горе! Все друзья мои погибли!

Тебя, о, боже, сын Марии девы,

Тебя, Христос, смиренно я молю:

Пусть раньше, чем ущелий Цезарийских

Достигну я, меня похитит смерть,

И пусть мой дух с друзьями будет вместе,

Пусть с их телами труп зароют мой!»

Рыдая, Карл рвет бороду седую…

«В большой печали Карл!» — сказал Нэмон.

213

«Вы не должны так горю предаваться,

Могучий Карл, — сказал Жоффрей д’Анжу. —

Тела убитых франков прикажите

Собрать теперь, в могилу всех сложить!»

«Труби в свой рог!» — ответил император.

214

Жоффрей д’Анжу трубит в свой зычный рог:

Сам Карл велит, — с коней сошли бароны

И вот, собрав друзей погибших трупы,

Их всех сложили в общую могилу.

Довольно было в славном войске Карла

Епископов, монахов и аббатов.

Они дают погибшим отпущенье,

Затем они, как должно, трупы их

И ладаном, и миррой окурили

И отошли. Что ж больше делать им?

215

Велел король стеречь тела баронов,

Епископа, Роланда, Оливьера,

Затем велел их вскрыть перед собой.

В парчевый плащ сердца их завернули

И положили В белый саркофаг.

Обмыв вином и перечным настоем.

Тела вождей покрыли шкурой лося;

И вот король зовет своих баранов:

«Тибальд, Милон, Одон и Жебуин,

Везите их тела на трех повозках!»

Покрыли трупы шелковым ковром…

216

Пуститься в путь хотел король могучий,

Как вдруг пред ним предстали африканцы

(То был эмира полк передовой),

И два посла, от строя отделившись,

Подъехали, чтоб вызов передать:

«Ты не уйдешь от нас, француз надменный,

Сам Балиган наш мчится за тобою,

И с ним его бесчисленная рать:

Твою мы храбрость ныне испытаем!»

217

В печали Карл браду седую треплет:

О горестном погроме вспомнил он,

И, гордым взором рать свою окинув,

Он зычно крикнул всем своим дружинам:

«К оружию, бароны, на коней!»

218

И первым Карл на бой вооружался:

Броню надел и шлем свой, у бедра

Привесил меч, блиставший ярче солнца,

Потряс копьем, вскочил на Тасендюра,

На скакуна (его когда-то добыл

Великий Карл у брода близ Марсонны:

Там был убит нарбоннский Мальпалин),

И вскачь промчался Карл пред строем франков

К себе на помощь бога призывая

И римского апостола Петра.

219

По всей долине спешились французы,

Сто тысяч их вооружалось там.

Им всем к лицу прекрасные доспехи,

Ретивы кони их, с булатных копий

Значки до самых шлемов ниспадают.

Проворно франки сели на коней,

С врагами в бой вступить они готовы.

И, чудный строй дружин своих увидев,

Воскликнул Карл к Нэмону, Жозерану,

К Антельму (он из Майнца родом был):

«Безумен тот, кто может усомниться

В отваге этих доблестных вассалов!

Да, если здесь арабы встретят нас,

Заплатим мы жестоко им за гибель

Племянника Роланда!» — «Дай-то бог!» —

Сказал в ответ Нэмон, баварский герцог.

220

И молвил Карл Рабелю, Гинеману:

«Сеньоры, вам теперь повелеваю

Занять места Роланда, Оливьера;

Возьмите меч и зычный Олифант,

На бой ведите первую дружину,

Среди французов наших изберите

Пятнадцать тысяч юных удальцов,

И столько же пойдет за вами следом, —

Их Жебуин с Мераном поведут».

Граф Жозеран, Нэмон, баварский герцог,

Построили, не медля, два полка,

С врагами в бой вступить они готовы.

221

За первыми двумя полками франков

Построились баварские вассалы —

Всего числом их ровно тридцать тысяч.

Никто из них не дрогнет пред врагом.

И больше всех племен, ему подвластных,

Их любит Карл, конечно, исключая

Своих французов (с ними много царств

Завоевал могучий император).

Отважный вождь из Дании — Ожье

Ведет на бой могучий полк баварский.

222

Уж три полка построил император,

Четвертый полк построил вождь Нэмон, —

Там двадцать тысяч храбрых аллеманов,

Ретивы кони их, доспехи крепки,

Бароны эти смерти не страшатся,

Их всех ведет на битву вождь ракийский:

То витязь Герман, — он скорей погибнет,

Чем рыцарям подаст худой пример.

223

Граф Жозеран, Нэмон, баварский герцог,

Построили норманнов двадцать тысяч:

Ретивы кони их, доспехи крепки, —

Норманнов смерть нисколько не страшит,

Нигде на свете нет храбрей вассалов,

Старик Ричард ведет их полк на битву, —

Сумеет он врагов рубить мечом!

224

В шестом полку — бретонские вассалы:

Их сорок тысяч доблестных бойцов.

Как истые отважные бароны,

На скакунах они сидят красиво:

Торчат их копья, свернуты значки;

Их вождь Эдон позвал к себе Тибальда

И Нивелона-графа и Отона:

«Я вам мои дружины поручаю, —

Сказал он им, — ведите их на бой!»

225

Уж шесть полков построил император,

А вождь Нэмон построил полк седьмой:

В нем были все вассалы из Оверни

И рыцари Пуату—всех сорок тысяч.

Ретивы кони их, доспехи крепки.

Весь этот полк от прочих в стороне

Был под холмом построен средь равнины.

Державный Карл его благословляет.

Ведут на бой весь этот полк могучий

Граф Жозеран и храбрый граф Годсельм.

226

И полк восьмой Нэмон тогда построил,

Он состоял из фризов и фламандцев:

Всех — сорок тысяч, стойкостью в сраженьи

Они известны. «Нам таких и надо!» —

Промолвил Карл. Ведут на бой фламандцев

Рэмбо и вождь Галиции — Аймон.

227

Граф Жозеран, Нэмон, баварский герцог,

Девятый полк из доблестных вассалов

Построили: то люди из Бургони, —

Всего числом их тысяч пятьдесят,

Включая также храбрых логарингцев.

На всех надеты шлемы, блещут брони,

У каждого короткое копье.

Да, если с ними в бой арабы вступят,

То славно драться будет этот полк, —

Его ведет Тьерри, аргонский герцог.

228

Десятый полк из франков состоит.

В нем до ста тысяч доблестных баронов,

Их вид суров, стройны бароны наши,

Их головы покрыты сединами,

И бороды у всех белее снега.

Дубленой кожи брони их блестят;

У каждого французский иль испанский

Булатный меч; различные узоры

Щиты баронов наших украшают…

И жаждут битвы франкские вассалы,

Вскочили все на резвых скакунов,

Гремит «Монжой!» Сам Карл ведет дружины,

Жоффрей д’Анжу несет их орифламму —

Ее сперва все звали «римской», долго

Она была — Петра святого знамя,

Но с этих пор ее зовут «Монжой!»

229

Сошел на луг великий император,

Лицом к востоку он простерся ниц

И в пламенной молитве просит бога:

«О, защити меня, отец небесный!

Ты Иону спас, когда его пожрал

Огромный кит, владыку ниневийцев

Ты сохранил и спас его народ,

От страшных мук избавил Даниила,

Его от львов свирепых ты избавил,

Из пещи ты трех отроков исторг!

Теперь к тебе о милости взываю:

О, дай за смерть Роланда отомстить!»

230

Свою молитву кончил император,

И, знаменьем великим осенивши

Свое чело, он сел на скакуна.

Граф Жозеран, Нэмон держали стремя.

Он взял копье и щит. Прекрасен, строен,

Могуч король, лицо его сияет…

На скакуне гарцует гордо Карл,

Трубят французов трубы боевые,

И все покрыл гремящий Олифант —

Напомнил он французам о Роланде,

И в горести бароны зарыдали.

231

Был на коне прекрасен Карл Великий:

Поверх брони висит брада седая,

И по примеру Карла все французы

Брады своей не скрыли под броней, —

Легко узнать средь войска наших франков!

И вот они прошли долины, горы,

Прошли ущелья мрачные, пустыни —

В земле испанской стали на лугу.

Разведчики вернулись к Балигану,

И так сказал ему один сириец:

«Мы видели надменного француза:

Надежен, грозен франков этих строй!

К оружию! Король идет на битву!»

«Весть добрая! — воскликнул Балиган. —

Поведайте о том моим дружинам!»

232

Со всех сторон рокочут барабаны,

Весь стан неверных трубы оглашают,

Гремят повсюду зычные рога,

На бой арабы все вооружались.

Эмир, не медля, броню надевает

(Ее края все золотом расшиты);

Он шлем надел в каменьях драгоценных

И добрый меч привесил у бедра.

Он в гордости своей примеру Карла

Последовать хотел и называет

Свой меч «Пресьез», и в битве это имя

Язычникам служило ратным криком.

Эмир на шею щит большой надел,

Из хрусталя и золота навершье

Его щита, а ручка вся в атласе.

Схватил эмир свое копье «Мальтей»;

Как палица — копья стального древко,

А наконечник тяжести такой,

Что мул один стащить его не мог бы.

На скакуна вскочил тогда эмир,

Поганых вождь, и стремя гость заморский

Маркуль держал. Прекрасен Балиган:

Широкобедр и статен, грудь огромна,

Широки плечи, светел взор орлиный,

И лик суровый блещет красотой,

На лоб седые кудри ниспадают, —

Они белей, чем яблоня в апреле.

Эмир могуч, отважен. Боже правый,

Как жаль, что он не верует в Христа!

Вот был бы вождь! Он шпоры золотые

Всадил в коня, и кровь течет ручьем.

Понесся конь и ров скачком могучим

Перескочил он футов в пятьдесят.

И молвят все арабы: «Этот витязь

Свои владенья может защитить!

Беда тому, кто драться с ним решится!

Безумный Карл бежать не захотел!»

233

Эмир по виду Истый, славный витязь,

Покрыла грудь его брада седая,

Она белей, чем яблоня весной.

Эмир отважен, мудростью известен,

Он смел в бою, а сын его Мальприм

Заветной славе предков не изменит;

Он горд, могуч. «Вперед, мой повелитель! –

Воскликнул он. – То диво, если Карл

Нас встретить здесь решится». – «Несомненно

Он встретит нас», – ответил Балиган. –

«Бесстрашен Карл, о нем во многих песнях

Гремит молва, но пал его племянник…

Пред нами Карл не может устоять!»

234

«Любезный сын, – сказал эмир Мальприму, –

Вчера погибли: храбрый граф Роланд

И Оливьер, отважный, славный витязь,

Любимцы Карла, там погибли пэры

И двадцать тысяч рыцарей отборных.

Всех остальных французов короля

Я менее ценю моей перчатки!

Идет на нас король со всей дружиной;

Разведчик мой, сириец, мне сказал,

Что Карл ведет полков огромных десять.

Пред строем их два витязя гарцуют,

Трубят в трубу и в зычный Олифант,

Пятнадцать тысяч с ними юных франков,

Которым Карл дал прозвище „детей“,

Не менее идет других за ними:

Жестоко нас хотят они разить!»

«Дозвольте мне на них ударить первым!» –

Сказал эмиру сын его Мальприм.

235

«Я все твои желанья исполняю, –

Сказал эмир; – иди на этих франков.

Любезный сын, возьми с собой Торлея

И Даламора — лютичей царя.

И если вы француза спесь собьете,

Я часть своих владений вам отдам —

От Шериана вплоть до Валь-Маркиза .

«Исполним все, спасибо, государь!» —

Сказал Мальприм, и право на владенье

Земли царя Флэри он получил,

Но никогда ее не увидал он

И во владенье не был утвержден!

236

Эмир объехал вое свои дружины,

С ним мчится рядом сын его Мальприм,

Велик был ростом этот африканец.

С ним были там: Торлей — король персидский

И Даламор; полков великих тридцать

Построились. Их войску нет числа:

Слабейший полк был ровно в тридцать тысяч.

Всех впереди шли люди Бутентро

(Страны, откуда родом был Иуда),

За ними мисбы (головы огромны

У этих мисбов, вся спина у них,

Как у свиней, щетиною покрыта),

За ними шли нубийцы, блоссы, руссы,

Славяне, сорбы, соры, и армяне,

Иерихона жители, и мавры,

И гросы, негры, жители Балида

(Что никому добра не пожелали).

237

Эмир клянется телом Магомета,

Что повелитель франков лишь безумец,

Что если он решится в бой вступить,

То никогда венца уж не наденет!

238

Других полков эмир построил десять.

Там было племя страшных хананеян

Из Валь-Флури, там турки, персияне,

Авары, с ними сольгры, печенеги,

Там жмудь и эвглы, пруссы и славяне

И Самуила племя; наконец,

Там был народ с пустынной Оссианы:

То род проклятый, в истинного бога

Не верит он, и кожа тверже стали

У каждого из этих оссианцев!

Не нужно им ни панцырей, ни шлемов,

И храбростью их славятся полки.

239

Других полков эмир построил десять.

Там великаны были из Мальпрузы,

Марузцы, гунны, венгры, и балдизцы,

Фракийцы, жойи, с ними валь-пенозцы,

Аргойльцы, ляхи, жители Кларбонны

И род брадатых жителей Валь-Фронды, —

Проклятый род, не верит он в Христа!

(В «Деяньях франков» тридцать называют

Полков эмира.) Гром стоит великий

От их рогов; как храбрые вассалы,

Летят на бой дружины Балигана.

240

Могуч эмир, пред ним несут «Дракон»,

С ним Тервагана знамя, Мухамеда,

И Аполлина идол нечестивый.

Вокруг гарцуют десять хананеян,

И зычный клич пронесся по дружинам:

«Пусть служит верно богу Аполлину —

Кто обрести души спасенье хочет!»

И вслед за этим шлемы золотые

Пред идолом склонились до земли.

«Проклятые! — Кричат дружины Карла. —

Ваш час настал, позорной смерти час!

Храни, о, боже, Карла-властелина,

Пошли ему победы торжество!»

241

Был мудр эмир; он сына призывает

И двух царей: «Вперед, мои бароны! —

Воскликнул он. — Передние полки

Ведите вы, себе я оставляю

Лишь жмудь и турков, также великанов

И жителей пустынной Оссианы.

Ударим мы на франкские дружины,

И если Карл мне встретится в бою,

Я голову с него сниму наверно, —

Вполне он эту кару заслужил!»

242

Был чуден вид полков несметных этих;

Враги сошлись среди долины ровной,

Там не было ни леса, ни холмов,

И виден был французам и арабам

Весь строй врагов от головы до ног.

«Все на коней! — воскликнул вождь неверных. —

Вперед, мои язычники, за мною!»

Пред строем их на резвом скакуне

Летит Албор со знаменем пророка.

«Пресьез!» — кричат язычники, а франки

Кричат в ответ: «Погибнуть всем вам ныне!»

И загремел победный клич «Монжой!»

Трубят французы в трубы боевые,

И все покрыл гремящий Олифант.

«Прекрасен строй французов, бой жестокий

Нам предстоит!» — сказали сарацины.

243

Полки сошлись среди большой равнины,

Сверкают шлемы в золоте, в каменьях,

Блестят щиты и брони расшивные,

И веют копий пестрые значки.

Был резок звук рогов и труб великих,

Но все покрыл гремящий Олифант.

И брату молвил так эмир-язычник:

«Брат Канабей, властитель Флоредеи

(До Валс-Саврэ), — смотри, вот гордых франков

Идут полки, как грозно мчится Карл!

Вокруг него брадатые бароны,

У каждого брада белее снега.

Они рубиться славно будут с нами, —

Ужасный бой сегодня предстоит!»

И на полет стрелы вперед отъехал

Неверных вождь. «Язычники, за мной!» —

Воскликнул он, потряс копье, на Карла

Направил он стальное острие.

244

Увидел Карл «Дракон» — эмира знамя,

Увидел он знамена Мухамеда

И сарацин несметные полки,

Занявшие все горы и долины

(Все, кроме луга, где стоял он сам).

«Отважные французские вассалы,

Не раз в бою вы славу добывали! —

Воскликнул зычно франков властелин. —

Смотрите, вот язычники пред вами —

Предатели и трусы сарацины,

Весь их закон динария не стоит!

Их много здесь, но что же, не беда!

Вперед, за мной!» — И вот коня пришпорил

Могучий Карл, скакнул четыре раза

Ретивый конь, и молвили французы:

«Могуч король! Вперед, наш повелитель!

Мы все за вас готовы пасть в бою!»

245

Был ясный день, светило ярко солнце, —

Красой блестят несметные полки.

И вот сошлись уж первые дружины,

Помчались вскачь Рабель и Гинеман,

За ними франки; копьями своими

Они разят неверных сарацин.

246

Могучий граф Рабель коня пришпорил

И поразил персидского царя.

Одним ударом щит пробил и броню

И в грудь врага вогнал свое копье,

И на кусты упал Торлей, сраженный.

Кричат дружины франков: «С нами бог!

Ведь Карла дело правое, и все мы

Ему в бою жестоком не изменим!»

247

Помчался вскачь на лютичей царя

Граф Гинеман, язычника ударил

И щит разбил, украшенный цветами,

Пробил броню и в грудь его ударил,

И со значком копье в него всадил.

Не знаю, то достойно слез иль смеха:

Сраженным пал на землю Даламор.

Увидя то, воскликнули французы:

«Рубите их! Не медлите, друзья,

Ведь Карла дело правое, святое,

Сегодня здесь свершится божий суд!»

248

На скакуне несется белоснежном

Эмира сын, в ряды дружин французских

Врубился он, и в кучу друг на друга

Бросает он тела баронов наших!

Увидя то, воскликнул вождь неверных:

«Арабские могучие бароны,

Я долго вас кормил и содержал,

Смотрите, вот мой сын, он ищет Карла!

Как он могуч, отважен! Не оставьте

Его, друзья, — пусть копья ваши в сече

Ему помогут!» Мчатся сарацины…

Ужасен бой: такого не бывало

Ни ранее, ни после никогда!

249

Великие могучие дружины

Дралися там: сошлись уж все полки.

Разят сплеча французов сарацины…

О, боже! Сколько там разбито копий,

Щитов и лат, лежат там груды трупов,

Покрыта свежей кровью мурава.

«Рубите их, вперед, мои бароны!» —

Сказал эмир. Упорный бой кипит,

Ужаснее никто не видел сечи.

Врагов лишь гибель может разлучить.

250

«Разите их! — воскликнул вождь неверных. —

В награду вам я женщин дам прекрасных,

Не пожалею ленов и земель!»

«Разить — наш долг!» — кричат в ответ арабы.

У всех в осколки копья разлетелись,

Мечей сто тысяч разом вдруг сверкнули,

И закипел ужасный бой кровавый…

Да, тот, кто там рубился, уж наверно

Тот богатырский видел страшный бой!

251

«Мои бароны! — молвил Карл Великий. —

Я вас любил, на вас я полагался,

Не раз в бою вы мне служили верно,

Завоевали мне немало царств

И государей свергли. Вам в награду

Я земли дам, несметные богатства,

Я самого себя готов отдать,

Но только вы неверным отомстите

За сыновей и братьев, что погибли

Вчера в ущельях мрачных Ронсеваля!

Ведь наше дело правое, святое!»

И молвят франки: «Прав могучий Карл!»

Их двадцать тысяч в верности клянется,

Их смерти страх от битвы не удержит.

Копьем, мечом работают французы.

Повсюду смерть и горе, и страданья.

252

По полю битвы мчится вождь Мальприм.

Он страшно франков наших истребляет…

На сарацина бросил грозный взгляд

Нэмон Баварский, шпорит ретивого,

И, налетев, Мальприма поразил:

Одним ударом щит пробил и броню,

С копьем значок свой желтый в грудь вогнал,

Убил врага средь семисот неверных.

253

Вот мчится брат эмира, Канабей,

И, вынув меч с хрустальной рукоятью,

По шлему он Нэмона поразил.

Он шлем разбил и пять ремней разрезал,

Все наголовье крепкое рассек,

От черепа часть кожи отделилась…

Ошеломил Нэмона Канабей.

От страшного удара пошатнулся

Баварский вождь, — но бог его хранит.

Неман, за шею лошадь ухвативши,

Повис на ней, — еще один удар,

И вождь Нэмон погибнет жалкой смертью,

Но вот к нему на помощь мчится Карл.

254

Царь Канабей свой поднял меч булатный, —

Увы, погибнет доблестный Нэмон..

«В недобрый час, язычник нечестивый,

Ты поразил вассала моего!» –

Воскликнул Карл, ударил сарацина

И на груди весь щит его разбил,

Набрадник весь рассек одним ударом;

Помчался вдаль без всадника скакун.

255

С печалью в сердце видит император,

Что сильно ранен доблестный Нэмон:

Ручьями кровь течет на луг зеленый.

И молвил Карл: «Нэмон, товарищ мой,

Со мною будь!.. Тебе нанесший рану

Презренный мавр сражен копьем моим!»

«Я верю, Карл! – сказал Нэмон Баварский. –

Пока я жив, – услуги не забуду!»

И дружески они помчались рядом,

И двадцать тысяч франков вслед за ними, –

Разят врагов, кипит кровавый бой.

256

Несется вскачь эмир по полю битвы,

Он Гинемана графа поразил

И на груди разбил весь щит барона,

Прорвал броню, копье всадил меж ребер, –

Сраженный, пал на землю Гинеман.

Сразил эмир Лорана, Жебуина,

Вождя норманнов старого Ричарда…

«Могуч эмир! – кричат толпы неверных. –

Вперед, друзья! Эмир защитник наш!»

257

Был чуден вид баронов африканских,

Дружин из Баскля, Жмуди, Оссианы…

Они наносят страшные удары,

Но франки наши им не уступают…

Тех и других уж много, много пало.

До вечера кипел жестокий бой;

Погибло много доблестных баронов;

Весь длилась день жестокая резня.

258

Сплеча рубились франки и арабы,

Лежат обломки копий и щитов.

Да, тот, кто слышал звон разбитых броней

И грохот шлемов крепких о щиты,

Кто слышал стон предсмертный и проклятья,

Тот знал, что значит горе и мученья!..

Ужасен бой: эмир зовет на помощь

Своих богов проклятых: Аполлина

И Мухамеда, бога Тервагана:

«Я вам служил, о боги, долго, верно,

Кумиры ваши золотом покрою, —

Ко мне! О дайте Карла победить!»

Вдруг Жемальфин к нему примчался с вестью:

«Ужасный день, эмир, твой сын убит! —

Воскликнул он. — И пал твой брат могучий!

Досталась эта славная победа

Двум грозным франкам; думается мне,

Из них один был Карл: велик и статен

Был этот вождь, — его брада белее,

Чем яблоня в апреле». Балиган

Поник челом, от горя чуть не умер…

И вот эмир велел позвать Жонглея.

259

«Ко мне, Жонглей, — воскликнул Балиган, —

Ты смел и мудр, — всегда твоим советам

Я следовал! Что скажешь об арабах,

Что думаешь о франках, чья возьмет?»

«Твой час настал! — сказал Жонглей эмиру. —

Теперь нас боги наши не спасут!

Могуч король, его полки бесстрашны!

Я не встречал подобных удальцов!

Но все ж, эмир, зови свои дружины,

Зови арабов, турков, оссианцев,

Зови гигантов, энфров и других:

Вперед, эмир, вперед — и будь, что будет!»

260

Всю распустил браду свою седую

Поверх брони язычник Балиган.

Белей, чем цвет шиповника в апреле,

Язычника седая борода.

Неверных вождь себя скрывать не хочет:

Он в рог трубит. Построились арабы,

Заблеяли, заржали оссианцы,

Аргойльцы воют, лают, как собаки,

И в бешенстве на франков устремились

И, смяв полки, прорвали их ряды.

Семь тысяч наших франков тут погибло.

261

Могуч Ожье, он робости не знает:

Нигде славнее не было бойца.

Увидел он, что смято войско Карла,

Позвал Тьерри, аргонского вождя,

Жоффрея с ним и графа Жозерана

И гордо молвил Карлу-властелину:

«Смотри, как бьют людей твоих арабы!

Пусть твой венец отымет у тебя

Небесный царь, когда ты не решишься

За сей позор неверным отомстить!»

Никто ему ни слова не ответил,

Лишь гонят все ретивых скакунов,

Кого ни встретят, бьют они и колют.

262

Дерутся храбро славный Карл, Нэмон,

Жоффрей д’Анжу — знаменоносец Карла,

Но всех храбрей датчанин граф Ожье, —

Коня пришпорил, мчится на араба,

Что нес «Дракон»: копытами коня

Он растоптал язычника и знамя!

Увидел то могучий Балиган,

Заметил он, что знамя Мухамеда

Покинуто, — и понял вождь неверных,

Что перед богом Карл Великий прав.

Робеют все арабские дружины.

И молвил Карл: «Французские бароны,

Могу ли я рассчитывать на вас?»

«Такой вопрос обиден! — молвят франки. —

Позор тому, кто бить сплеча не станет!»

263

Проходит день, уж вечер наступает:

Мечами рубят франки и арабы,

Их привели великие вожди

Эмир и Карл, гремит их клич призывный:

«Пресьез!» — воскликнул зычно Балиган,

«Монжой!» — в ответ воскликнул император.

Тогда они друг друга узнают

По голосам раскатистым, могучим…

Они сошлись, схватились… по щитам

Вожди копьем друг друга поражают,

Под выпуклым навершьем их пробили

И разорвали брони друг на друге

Подпруги седел лопнули — и оба

С коней упали. На ноги вскочив,

Они мечи булатные исторгли:

Лишь смерть борьбу их может прекратить!

264

Могуч властитель Франции прекрасной,

Ему эмир в отваге не уступит.

Они мечи стальные обнажили

И бьют сплеча друг друга по щитам.

Рассечены и дерево, и кожа,

На землю пали гвозди и навершья, —

В одних бронях остались два борца,

Мечи со шлемов искры выбивают,

И меж вождями бой не прекратится,

Пока себя виновным не признает

Неверных вождь иль франков властелин.

265

«Сдавайся, Карл! Смиренно о пощаде

Проси меня! — воскликнул Балиган. —

Ты моего убил сегодня сына,

В мою страну ты вторгся беззаконно…

Но я тебе отдам свои владенья

До самого Востока, если ты

Меня своим признаешь сюзереном!»

И молвил Карл: «Позор меня постигнет.

Не должен я с язычником мириться;

Крестись — и я готов тебя любить,

Уверуй только в истинного бога!»

Эмир в ответ: «Ты скверный проповедник!»

И вновь звучат булатные мечи.

266

Могуч эмир: по шлему золотому

Он короля французов поразил

И шлем разбил, каменьями покрытый,

И волоса рассек; всю кожу, мясо

Булатный меч от кости отделил,

И шириной с ладонь нанес он рану

От страшного удара покачнулся

Могучий Карл, — но не судил ему

Небесный царь погибнуть в этой битве, —

Сам Гавриил опять слетел на землю

И молвил: «Карл Великий, что с тобой?»

267

И ангела узнал владыка франков,

Он вновь почуял силу и отвагу,

Мечом своим эмира поразил:

Он шлем рассек, каменьями покрытый,

Рассек весь череп, мозг рассек, лицо

До бороды седой, — убит на месте

Неверных вождь — язычник Балиган.

125

«Монжой!» — воскликнул зычно император,

Чтоб франков рать скорей его узнала.

И вот — Нэмон приводит Тасендюра,

Вскочил король на резвого коня.

Так хочет бог, — бегут толпы неверных:

Настало наших франков торжество!

268

Так хочет бог! Бегут толпы неверных,

Жестоко гонит их могучий Карл:

«Друзья, за горе ваше отомстите! —

Воскликнул он. — Я видел, нынче утром

Рыдали вы, — за все воздайте им!»

«Ты прав, король!» — кричат дружины франков

И беспощадно рубят сарацин…

Не много их с той битвы уцелело!

269

Был страшный зной, столбом стояла пыль,

И все бегут в смятенье сарацины;

Их гонит Карл до самой Сарагоссы.

Вот Брамимонда всходит на вершину

Высокой башни; с нею там монахи,

Аббаты мавров (бог таких не любит:

На голове у них тонзуры нет,

Не посвящал никто их в сан духовный!).

Вдруг Брамимонда с башни видит бегство

Язычников — и, бросившись к царю:

«О, государь! — воскликнула царица. —

Эмир погиб в бою позорной смертью,

Разбиты наши храбрые полки!»

Лицом к стене Марсилий повернулся,

Закрыв лицо, он горько! зарыдал

И умер с горя. Был он страшный грешник:

Его душа — добыча сатаны.

270

Великий Карл разбил полки неверных,

Побитых тьма, — другие разбежались!

Повержены ворота Сарагоссы:

Ничто не может Карлу быть преградой,

Вошел он в город, с ним его дружины;

Проспали там до утренней зари.

И горд, и светел Карл седобородый.

Ему ключи вручила Брамимонда

Великих башен больше десяти

И малых башен больше полусотни.

Да, счастлив тот, кому поможет бог!

271

Проходит день, уж вечер наступает,

На небе блещет месяц, словно пламя,

Сверкают звезды. Занял город Карл.

Он дал приказ: и тысяча баронов

Обходят все мечети, синагоги,

И молотом, и ломом сокрушают

Все идолы святилищ Мухамеда.

Все колдовство, все чары навсегда

В том городе король наш уничтожил,

Он хочет богу службу сослужить:

Епископы там воду освятили

И повели креститься сарацин.

Кто не хотел креститься, — тех, не медля,

Французы жгли и вешали, и били…

Сто тысяч мавров были крещены, —

Все добрыми сынами церкви стали.

Не крещена одна лишь Брамимонда:

Ее не хочет Карл крестить насильно,

Везут ее во Францию-красу.

272

Проходит ночь, заря зажглась на небе,

Могучий Карл велел занять все башни,

Он тысячу баронов там оставил

Их охранять, а с прочими, не медля,

Помчался он во Францию-красу.

Он взял с собой царицу Брамимонду

(Он ей добра желает). Чрез Нарбонну

Проходя, франки прибыли в Бордо, —

Оставил там французов повелитель

Заветный рог, велев его отделать

Каменьями и золотом. Доныне

Смотреть на рог приходят пилигримы.

На корабле проплыл чрез всю Жиронду

Могучий Карл и в Блэ привез тела

Племянника, Турпина, Оливьера…

И, положив их трупы в саркофаги,

Велел поставить в церкви Сен-Ромэнской:

Они доныне там. В последний раз

За них бароны Карла помолились…

Идет король чрез горы и долины

И в Ахен свой престольный прибыл он.

Сошел с коня у мраморных ступеней

И во дворец высокий свой вошел.

Велел послать к саксонцам и баварцам,

К норманнам, фризам, также к лотарингцам

И к жителям Бретани и Пуату,

И наконец к бургундцам, аллеманам,

Ко всем мудрейшим франкам, чтоб прислали

Скорее судей: быстро снарядил

Великий Карл свой суд над Ганелоном.

273

Вернулся Карл из дальнего похода
И в Ахен свой престольный прибыл он;
Вошел в чертог высокий свой. Навстречу
Красавица к нему выходит Ода.
И молвит: «Где Роланд, воитель славный?
Он мне клялся, что женится на мне!»
Рыдая, Карл рвет бороду седую:
«О, милая сестра души моей! —
Воскликнул он. — О мертвом говоришь ты!
Но я тебе достойное возмездие
Воздам за смерть Роланда, — Лодовик,
Мой сын, наследник мой, твоим супругом
Пусть будет». — «Странны, Карл, такие речи! —
В ответ на то ему сказала Ода. —
Да сохранит меня небесный царь
И ангелы его и все святые,
Чтоб я по смерти храброго Роланда
Осталась жить!» Внезапно побледнев,
Она к ногам владыки франков пала
И умерла… Спаси ее господь!
Рыдают франки, плачут и вздыхают.

274

Скончалась Ода. Думал император,
Что только чувств красавица лишилась.
Рыдая, взял он за руку ее,
Хотел помочь ей встать: на грудь головка
Ее склонилась, — видит император,
Что умерла красавица младая.
Он дал приказ — пришли четыре дамы,
И Карл велел им Оду хоронить
В монастыре. До утра охраняли
Четыре дамы Оду, а затем
Близ алтаря ее похоронили:

Великий ей оказан был почет.

275

Вернулся Карл в свой Ахен первостольный,

К нему в цепях изменник Ганелон

Был приведен. Веревками привязан

Он пред дворцом к позорному столбу

И жилами воловьими жестоко

Он был избит, как это подобало…

Так в муках ждал он грозного суда.

276

Написано в «Деяниях старинных»,

Что Карл велел созвать своих вассалов

Со всех концов. И все в престольный Ахен

Приехали в Сильвестров день священный.

Суд начался — и графа Ганелона

Велел король, не медля, привести.

277

«Мои бароны, — молвил император, —

Изменника судите по закону.

В Испании он был со мною вместе

И погубил французов двадцать тысяч

И моего племянника. Вовеки

Вам не видать могучего Роланда,

Погиб учтивый витязь Оливьер,

Погибли пэры, — продал их за деньги

Граф Ганелон!» — «Скрывать того не стану, —

Сказал в ответ на это Ганелон, —

Роланд меня лишил моих сокровищ —

И я за то Роланда погубил!

Но это месть, не гнусная измена!»

«Об этом мы размыслим!» — молвят франки.

278

Граф Ганелон стоит пред королем:

Он бодр и свеж, — как жаль, что он изменник!

Вот славный витязь! Взором всех окинув,

И судей всех, и родичей своих

(Их было тридцать), голосом могучим

Воскликнул граф: «Я богом заклинаю

Вас всех, сеньоры, выслушать меня:

Когда служил я Карлу-властелину,

Как верный франк, по правде и по чести,

Вдруг граф Роланд меня возненавидел

И на мученья страшные обрек:

Он дал совет меня отправить к маврам,

И спасся я лишь хитростью моей…

Я вызывал могучего Роланда,

Я вызывал и графа Оливьера

И прочих всех, — мой вызов все слыхали:

И славный Карл, и франкские дружины, —

Я отомстил, но я не изменял!»

«Об этом мы размыслим!» — молвят франки.

279

Назначен суд над графом Ганелоном;

Собрал он тридцать родичей своих.

Средь них один всех больше выдавался —

Вождь Пинабель, соррентский кастелян:

Красноречив, могуч он и сумеет

Свои права оружьем защитить.

280

«Я на тебя, товарищ, полагаюсь, —

Сказал ему изменник Ганелон, —

Спаси меня от смерти и позора!»

«Я твой защитник! — молвил Пинабель. —

И если кто тебя к позорной казни

Приговорить осмелится сегодня, —

То, где бы Карл мне места ни назначил, —

От обвиненья лезвием меча

Клеветника заставлю отказаться!»

Граф Ганелон упал к его ногам,

281

Сошлись баварцы, саксы, аллеманы,
Норманны, франки, жители Пуату,
Суд начался. Альвернские бароны
Всех милостивей судят Ганелона
(На них имел влиянье Пинабель).
«Зачем судить! — так молвили друг другу
Бароны эти. — Карла попросить
Должны мы все оставить суд над графом:
Пусть Карл простит ему на этот раз!
Граф Ганелон по правде и по чести
Служить, как прежде, будет королю.
Не воскресить убитого Роланда
Ни за какие деньги! Тот безумен,
Кто за него пойдет на поединок!»
Согласны все, у всех одно решенье,
Лишь не согласен славный вождь Тьерри.

282

Свой приговор они приносят Карлу:
«Прости ты графа, Карл, тебе по чести
Служить он будет, — он могучий витязь,
Он славный вождь, — оставь его в живых!
Погиб Роланд, — его мы не увидим,
Его никак уж нам не воскресить!»
«Предатели!» — воскликнул император.

283

Увидел Карл, что всеми он покинут.
«О, горе мне!» — воскликнул он в печали,
Поник челом; к нему Тьерри подходит —
Жоффрея брат, анжуйского владыки, —
Был смугл лицом Тьерри, он худ и тонок,
И невысок, но строен и проворен,
И волоса его черны. Любовно
Он молвил Карлу: «Карл, не падай духом,
О, государь, я верный твой слуга!

Я здесь имею право по рожденью

Средь королевских судей восседать!

Какую бы обиду Ганелону

Ни причинил наш доблестный Роланд, —

Он был на службе Карла, эта служба

Должна была ему защитой быть!

Граф Ганелон — изменник и предатель,

Клятвопреступник он, его на казнь

Позорную я громко осуждаю:

Пусть будет он повешен, как изменник,

Пусть труп его собаки разорвут!..

А если кто из родичей захочет

Мой приговор, не медля, опровергнуть,

То я готов пред всеми доказать

Мечом своим, что прав я!» Молвят франки:

«Вот это так, он дело говорит!»

284

Тогда подходит к Карлу-властелину

Борец могучий, ловкий Пинабель,

Его удар всегда врагу смертелен.

Воскликнул он: «Король, велите судьям

И шум, и крик напрасный прекратить!

Решение Тьерри я отвергаю,

И с ним, не медля, драться я готов!»

И молвив так, лосиную перчатку

Он отдал Карлу. «Что же, я согласен, —

Сказал король, — заложников мне надо».

Граф Ганелон всех родичей привел

(Их было тридцать). «Я своих представлю», —

Сказал король, и слугам повелел он

До окончанья боя их стеречь.

285

Увидел вождь Тьерри, что вызов принят, —

Он подал Карлу правую перчатку,

Тот взял ее, заложников представил

И приказал скамейки принести.

На них бойцы могучие воссели,

Все по закону граф Ожье устроил;

Тогда бойцы просили тотчас дать

Им лошадей и крепкие доспехи.

286

Пред поединком вместе приобщились

И Пинабель соррентский, и Тьерри.

Пошли к обедне, — их служитель бога

Благословил и дал им отпущенье.

(Богатств они оставили немало

Для церкви.) Вот они подходят к Карлу.

Они надели шпоры, шлемы, брони,

А к бедрам их привешены мечи

С покрытой чистым златом рукоятью.

На них щиты с полями расписными,

В руке копье; вскочили на коней

Противники. Тогда сто тысяч франков

Все по Тьерри рыдали: за Роланда

Дерется он с противником могучим!..

Кто победит? — о том лишь знает бог!

287

Близ Ахена обширная равнина, —

Отправились туда для поединка,

Отвагою пылая, удальцы.

Коней пришпорив, оба вдруг слетелись:

В осколках их посыпались щиты,

Пробиты брони, лопнули подпруги,

Перевернулись седла, оба пали…

Сто тысяч франков плачут и рыдают…

288

На землю пали витязи и вместе

Они вскочили: легок и могуч

Был Пинабель. Враги друг друга ищут,

Они схватились пешими. Сплеча
Они мечами рубятся, — сверкают
Мечи с покрытой златом рукоятью,
По шлемам бьют противники друг друга.
Печаль дружины Карла охватила.
«О, боже! — молвил славный император. —
Кто прав из них, скорее объяви!»

289

«Тьерри, сдавайся, я твоим вассалом
Себя признаю, — молвил Пинабель, —
Я дам тебе несметные богатства, —
Лишь Ганелона с Карлом помири!»
«Нет, ни за что, — ответил тот, — позором
То будет мне, — пусть нас рассудит бог!»

290

«Ты статен, храбр, отважен и проворен, —
Сказал Тьерри, — ты удалью известен:
Оставим бой, тебя я примирю
С великим Карлом, — дай над Ганелоном
Лишь совершить неслыханную казнь!»
«Избави бог! За родича дерусь я
И ни пред кем не стану отступать! —
Ответил тот. — Пусть лучше я погибну,
Чем заслужить укор!» И вновь мечи
Из ярких шлемов искру выбивают:
Борьбу лишь гибель может прекратить.

291

Тьерри сплеча могучий враг ударил
По шлему, — искры яркие летят:
От них ковыль степная запылала,
Меч поперек лица Тьерри прошел
И лезвием всю щеку окровавил,
До живота всю броню распорол, —
Но не судил господь Тьерри погибнуть.

292

Почувствовал Тьерри, что сильно ранен:
Струится кровь ручьями на траву…
Противника ударил он по шлему
И до забрала шлем его рассек.
На землю брызнул мозг, — убит на месте
Соррентский вождь, могучий Пинабель,
Удар Тьерри окончил поединок…
«Вот божий суд! — воскликнули французы. —
Повесить надо графа Ганелона,
А вместе с ним и родичей его!»

293

Тогда подходит к Карлу победитель
И вслед за ним могучие бароны:
Нэмон, Ожье, Жоффрей, Вильгельм де Блэ…
Могучий Карл Тьерри любовно обнял
И со щеки он вытер кровь его
Собольей шубой: франкские бароны
Другую шубу Карлу принесли,
С Тьерри доспехи сняли осторожно,
И, посадив вождя Тьерри на мула,
Они его, ликуя, отвезли
В престольный Ахен. Графа Ганелона
И родичей его настала казнь.

294

Могучий Карл спросил своих баронов:
«Что делать нам с заложниками? Ныне
Их Пинабель мне дал, за Ганелона
Они порукой были». — «Пусть умрут!» —
Воскликнули французские бароны.
Тогда король велел позвать Басбрэна
(То был палач): «Заложников повесить,
Не медля, там, на дереве проклятом! —
Сказал король. — И если хоть один
Избегнет казни, — я брадой своею

Тебе клянусь, что будешь ты казнен!»

«Исполню все!» — сказал палач на это:

Он сотню слуг позвал себе на помощь,

И все они заложников схватили…

Все тридцать там на дереве повисли…

Изменник так всегда себя погубит,

Погубит всех он: близких и друзей!

295

Вернулись все баварцы, аллеманы,

Пошли норманны, жители Пуату.

Бретонцы, — все согласно порешили

(И больше всех настаивали франки),

Чтоб Ганелон погиб ужасной смертью.

Вот привели четыре скакуна

И руки, ноги графа Ганелона

К тем лошадям, не медля, привязали…

И гонят слуги резвых скакунов;

Там на лугу стояла кобылица, —

К ней гонят их, — ужасные мученья

Там испытал изменник Ганелон:

Растянуты, разорваны все члены,

И кровь течет ручьями на траву…

Погиб он смертью труса… Да не станет

Никто своей изменой похваляться!

296

Когда свой суд окончил император,

Велел позвать епископов французских,

Епископов баварских, аллеманских,

И молвил им: «Есть пленница у нас,

Ее здесь долго вере поучали:

Она креститься хочет. Вас прошу я

Свершить обряд, чтоб душу спас господь».

«Ты восприемниц ей назначь знатнейших

Из дам своих придворных», — отвечали

Ему на то епископы. Тогда

Народ пришел в престольный Ахен,

И в тех водах чудесных окрестили

Испанскую царицу Юлианой.

Не по нужде, вполне по доброй воле,

Закон Христа познала Брамимонда.

297

Окончил суд могучий император,

Печаль и гнев великий облегчил.

Им крещена царица Брамимонда.

Проходит день, сгустился мрак ночной,

Заснул король в своей опочивальне.

И вдруг к нему явился Гавриил:

«Зови, король, скорей свои дружины, —

Так молвил он, — велит тебе господь,

Чтоб в Бирскую страну ты шел, не медля,

Спеши туда на помощь Вивиану.

Его столицу Иф в осаде держат

Несметные дружины сарацин.

Тебя зовут напрасно христиане!»

Не хочет Карл идти и молвит он:

«О, боже, жизнь моя полна мучений!» —

Рыдает Карл, рвет бороду седую…

Здесь прерваны Турольдовы сказанья.